

Александр Павлов

ПОГРУЖЕНИЕ В
ПРИРОДУ

ЗОНТ

О СЫНЕ УЧИТЕЛЯ
ПО ДУХУ

Киев-2012

Павлов Александр. Погружение в природу. Зонт. О сыне Учителя по духу... — К.: СамИздат'Б, 2012. — с.

Впервые материалы выступлений Павлова Александра «Погружение в природу», «Зонт» и «О сыне Учителя по духу» в печатном виде были представлены в книгах Александра Панченка (за основу взято издание «Надо учиться учению Иванова». — Москва, 1998, — 318 с.), которые в свою очередь были осуществлены на основании аудиозаписей произведенных на выступлениях Александра Павлова на встречах в г. Валдае и г. Москве в 1997 году.

Издаётся в авторской редакции

© Павлов Александр. Текст. Составление. 2012 г

Александр Павлов

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРИРОДУ

ЗОНТ

О СЫНЕ УЧИТЕЛЯ
ПО ДУХУ

Киев-2012

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРИРОДУ

Рассказ А. Павлова на встрече в Валдае 19.01.1997 г.

Откуда у меня взялось — пойти в Природу? Наверное, из тетрадей Учителя, «Истории Паршека».

Такая мысль у меня рождается: «Учитель, родненький, если ты мне тоже даешь, то я должен пойти в Природу». И это связывается с мыслью, что если такой человек появится, то любовь спустится на Землю. У меня такое мнение складывается. И я начинаю готовиться, был на Хуторе 2–3 дня.

Учитель сказал, что Я жду юношу, который родится в сознании моего Дела, моей Идеи. То есть, Он уже ждет человека, юношу. Думаю: «Кто-то уже пробует себя на это». Очень много хороших людей я встречал, возможно, уже на ком-то метка есть. Учитель сказал: «Мне одного на ноги поставить, а за ним все остальные пойдут. И один будет для всех, а все для одного». Это же Учитель будет. Он придет к нам сам, непосредственно своим духом через человека одного проявится, просто поднимет его на ноги. Это может быть обычный другой человек. Всегда так было. Но Он поставит его на ноги, в нем воплотится Его Идея в жизнь. И сразу пойдет новое. Учитель сказал: «Через этого человека будет меняться поток в Природе, поток гнилой жизни: зависимость мы уберем, а независимость на ноги поставим с этим вот рожденным человеком, новым».

Есть три таких значения этого рождения. Одно из них — рождение ребенка от женщины и воспитание его для независимой жизни. Второе — в том, как Учитель пишет, что Он ждет юношу, который «родится в сознании моего Дела, моей Идеи, признает меня, мой заслуженный для этого труд, постарается остаться таким, как Я».

— Цель и задачи всего народа — изменить поток гнилой жизни: зависимость убрать, а независимость на ноги поставить.

И еще Он говорил, что когда сыну исполнится 25 лет, он придет с полным порядком сил и в полном свете. И с ним придут те люди, которые будут служить ему, и только тогда они узнают себя. И он будет делать то, что ему надлежит.

— Только тогда он будет делать то, что ему надлежит. Учитель еще сказал: «По телу я есть такой, как все, а по делу —

Бог». И вот я, понимая все это, понимая, что это все трудно, тяжело, начинаю подготавливаться. Было это в 1991 году. Со мной был тогда друг Миша, через которого я пришел к Учителю. Он уже занимался несколько месяцев. Валентина Леонтьевна его принимала, такая строгая с ним была. А он больной, психически неуравновешенный, ну, в армии там были и все такое, когда служил в стройбате. А по Учителю как стал заниматься, здоровым стал. Но он людскую психологию не понимал: увидит, что не так, сразу же прямо и скажет. А мы обижаемся. Он мог сразу в «лоб» сказать, а потом переживал. Его последователи стали недолюбливать. Я вижу все это, и у меня к нему пошла такая любовь, ну, очень сильная. Я думаю: «Как Мише помочь?» А мы ему не помогаем с любовью, а говорим: «А, ты — такой, а, ты — сякой». Благодаря Учителю у меня к нему любовь проявилась. Я к нему со всем вниманием. И он меня любит и согласился со мной в Природу идти.

Приходит уже октябрь. Холода должны наступить. Я в Сибири живу, Красноярский край, город Ачинск. Здесь устроился на работу охранником в магазин. Что получается? Мы активно готовимся к выходу в Природу. Потом лень начинает одолевать. Я слово Учителю дал на Бугре, а мне уже не хочется идти в Природу, страшно стало. «Слово же дал, где же моя ответственность?» — так думаю.

— Боже, если я нарушу, то через меня люди будут умирать. Может, я преступник.

Еще было сказано Учителем, что Он пошел в Природу на смерть. Я думал, что там умру, не понимал, что это означает умереть в старом сознании, со старыми желаниями, умереть человеком техническим, предковым.

А я думал, что весь умру.

— Нужен поступок в Природе, чтобы человек жил, серьезно пошел. — Так говорил Учитель.

А я думаю: «В чем же жизнь заключается? Мне казалось, что один человек что-то сделает, самый грешный, а остальные будут жить».

И так вот у меня пошло. И Миша об этом знал. Я прочитываю «Историю Паршека» и у меня возникает мысль: «Вдруг

я там Его встречу, в Природе, этого сына, этого Учителя. Боже, если я умру, то все же смогу там его увидеть, духом или как-то».

Приходит 5–7 октября, холода нет. А у нас уже обычно в это время мороз минус 5–10 градусов со снегом. Потом 10 октября 1992 г. — нет холода. И тут такие пошли испытания: 11, 12, 13 октября стоят такие теплые дни, как весенние. Ну, как рай. И все три дня идут искушения. И каждый день Миша говорит: «Пошли сейчас». «Нет не могу. Учитель говорит, что надо идти в Природу в самые холодные октябрьские дни». Я, конечно, не знаю, какого числа будет самое холодное время. Но пока не чувствую того духа холода, когда он приходит настоящий, надо долго. Когда сегодня холодно и завтра тоже будет холодно, а не так, что сегодня холодно, а завтра жарко. У нас в Сибири, если приходит холод, то он уже до конца зимы. И вот мы ждем все эти три дня. Что происходит с Мишей! Чуть ли ни с матом нападки на меня: «Пойдем!» Я был потрясен. И благодаря Учителю, подготовке я терпел, понимая, что нужно терпение, что только любовью все это побеждается, сдержанностью, терпением. И Миша соглашается ждать холода. Все эти дни не сплю, устал. И вот 13 октября из общежития ко мне пришел Миша. Я его положил на кровать, а сам лег на полу. Форточка открыта. Мы заснули. И вдруг где-то в час ночи просыпаюсь: ветер, холод пошел, я почувствовал дух холода. Думаю: «Значит, ты уже зовешь меня, Учитель». А мысль такая, что иду на смерть. И вот я говорю себе: «Учитель, родненький, значит я иду!» Если Миша завтра еще раз согласится пойти со мной по своей воле, не навязчиво, то мы идем. И если я умру, то он расскажет людям, что, мол, был такой грешник и умер. И к людям придет любовь. По-детски понимал все это. Благодарю Учителя. Снова ложусь на пол, сильно устал неспавши и от переживаний, холодно, весь дрожу. Прощаюсь с родными, с близкими. У меня в Ачинске только бабушка и дедушка, а там — мама, сестры, братья. Я их люблю очень сильно. Мы в бедности жили, а в бедности все друг друга любят. Всех вспоминаю, как перед смертью прощу прощения. И у меня так сильно очищается душа, вот за это все время, за испытания.

Было это ночью с 13-го на 14 октября 1992 г. И тут на какое то время засыпаю. И вот отсюда пошло все, что было во время похода в Природу и после этого, что мне дало поддержку и силы выдержать все испытания. Мне как бы приходит, я называл это откровение: во сне является видение. Это мне Учитель послал такое видение перед Природой. Стоит ясная погода. Вижу: идет человек в шортах, юноша. Он выше меня ростом, волосы спадают на плечи, борода. Такой высокий юноша идет. И падает снег. А сам я такой легкий во сне, как дух. Ощущаю холод. Думаю: «Как же Он не мерзнет?» Засмотрелся на него. Из «Истории Паршека» знаю, что Учитель придет молодым. Вижу: идет как бы Учитель, только волосы у него не белые, а светлые. И юноша выше меня ростом, такой загорелый, такой бронзовый, ну как, Учитель.

— Боже, какая от него любовь!

Учитель писал, что сын будет строгий, неумолимый. А я смотрю: где тут строгость? Вот Он идет в шортах, а люди по сторонам стоят. И снег везде лежит. А кто-то вслух сказал: «Иерусалим». Думаю: «Что за слово такое?» Знаю есть такой город. Но у Учителя вроде бы это слово не встречается. Оно мне запомнилось. Вижу дальше, как этот человек идет дальше, а все люди кричат: «Зачем ты к нам пришел, зачем ты нам снег принес?» И всякие богохульные слова. Я таких никогда вообще в жизни не слышал. Только по возвращении из Природы меня бабушка и дедушка ругали. А я вижу, от Него такая любовь, как будто с ним небо двигается, я знал, что это Учитель молодой такой. И вот я вижу и думаю: «Боже, какая красота!» Он подходит, метров 20 от меня был. Я стою, жду и люблюсь. И думаю: «Опять Его не признают, опять Его гонят». Он идет навстречу мне, смотрю на него и потрясен: у него большие-большие сине-голубые глаза! Не могу в них наглядеться. И вдруг в Нем я узнаю себя. Я потрясен: думаю, что встречают Его, а это оказывается я. Это — неземной красоты человек, но почему-то в нем я узнаю себя. Только глаза другие, большие-большие. Оказываюсь в Его теле. Но этот же юноша выше меня? Узнаю себя и сразу ощущаю большой-большой голубод. Я никогда столько не терпел, как этот человек. И в его

теле у меня открылось и его зрение. Оно излучает любовь. Находясь в его теле, я сам стал как этот человек: я никому ничего плохого не могу сделать. От меня исходит такая любовь! Ощущаю, что это мои глаза, что я с Ним слит. Иду и слышу, как люди кричат: «Зачем к нам пришел, зачем снег принес?» А их слова превращаются в такие льды. Находясь в Его теле вижу, как слова — острые льдинки летят в Его тело, тело молодого Учителя. И слышу боль: Он-то закаленный, а мне больно. Видно, Учитель посадил меня в Его тело, чтобы узнать, выдержу ли я это, как мы все такие, хотим на что-то претендовать. И вот я сижу в этом человеке и ощущаю всю эту боль, и думаю, что сейчас умру. Смотрю: не умираю. Мне так больно, но эта боль другая — душевная, которую не описать. И вот эти люди кричат, их богохульство превращается во льды и летят они мне прямо в грудь. И они тают, благодаря этому закаленному телу. Подхожу к ним. Я забылся, как будто слился с Ним в одно целое. Думаю: «Куда же я иду?» Смотрю, здесь какая-то группа людей образовалась. Выходит женщина, а у нее платок. И дает мне кружку. А я чувствую, что сорок дней не кушаю. Она подает, а я вижу, что там простокваша. Кружка железная. Я выпиваю, а в это время у меня что-то спадает, как будто повязка была, и я уже ничего не понимаю. Смотрю: земля, раздвинулась и люди, которые на меня кричали, оказались на той стороне, все эти плохие люди. А я весь в любви, ты окутываешься этой любовью и становишься как Бог. И смотрю: тут детишки. А те люди до сих пор продолжают кричать, но их слова до меня не доходят, мне не больно уже, потому что пропасть меня защищает, и уже льдов я не вижу. И думаю, что сейчас подойду и подам им руки. Ведь Учитель нас учил любить всех людей. И вот с такой мыслью подхожу к детишкам. Здесь двое детей, а за спиной еще. И они кидаются снегом, как в снежки играют. И я подхожу к краю пропасти и хочу им сказать, что Учитель нас учит любить. «Уж простите меня, если я вам чем-то не понравился. Я же не знаю, куда я пришел и как в этом теле оказался». И так я вдыхаю, и вместо того, чтобы сказать эти слова, слышу, гром гремит надо мною. Я такого вообще представить не мог: как будто там на облаке

кто-то сидит и говорит: «Камнями встречали — камни и получите!» И на этих людей, которые кричали, пошел снеговой вихрь. Я чуть не плачу, ничего не понимаю сам. Я хотел им сказать что-то другое, а мой голос изобразил эти слова, а там гром прогремел этими словами. Я и не думал, что такое скажу, как будто кто-то другой говорил, а не я. Но я чувствовал, что это из моих уст изошло. Я не перепуганный, а такой уравновешенный. Но мне Природа — раз! и как бы скрыла. Слышу плач, крики там, как будто там стали умирать. И я сразу вижу другую, уже третью картину: стоит человек на Бугре. Узнал себя. Опять я из этого тела взятый, стою и улыбаюсь такой голенький. И на меня опускается что-то белое, как тюль. И с этой стороны пошла радуга. И вот такое мне видение, и вот такая радуга пошла с левого плеча.

После этого я пробуждаюсь весь потрясенный. Мне такого никогда в жизни не снилось. И я в восторге. Тут холод еще в форточку, я замерз, дрожу. Все это переживаю. Думаю: «Боже!» А еще сознаю, что сейчас в Природу идти. И это как бы проверка была мне на страх. Оказывается, я сижу на полу напротив Миши, а он просыпается и говорит: «Яшуа», Яшуа, Яшуа». Думаю: «Что еще такое? Там сказали «Иерусалим», а здесь — «Яшуа». Я такого слова не слышал. А он кричит: «Яшуа, Яшуа, Яшуа». Я подумал, что он по татарски говорит что-то. Прокричал и вдруг отключился.

Будучи под впечатлением увиденного, мне страшно стало и хотелось чтобы в Природе рядом со мной был человек, который потом расскажет людям, что был такой грешник и умер. Я тогда думал, что ради Идеи Учителя нужно умереть. Мы были как дети. Это же серьезно, мне же было так страшно. Я думал, что ради Идеи Учителя так надо. Спрашиваю Мишу: «Что ты хочешь поесть последний раз? Мяса хочешь? Я буду есть с тобой, все, что ты хочешь». Он наделал всяких тортов, что-то купили, сами что-то испекли, котлет нажарили моих любимых, — которые я уже давно не ел. Думаю: «Это же последний раз — перед Природою». Миша научил меня кушать то, что я до сих пор не ел такого. Он берет торт, мажет его вареньем, берет чай, кладет в него сахар, в прикуску с конфетами.

Дети идут умирать, на смерть, стараются всего нализаться, чтобы только больше ничего в голову не лезло. Последний раз попробовать все. Едим торт, заедаем вареньем. Голод у меня пробудился после четырех дней, я не спал, не ел. А тут я поел всего по-немножку. Я не помню какой это день недели был. Но, я помню, что 14 октября 1992 г. Мне на хуторе Юра Опрышко дал тетрадь 1966 г., кажется, «Закалка-тренировка от жары, от холода и голода». Рукопись Учителя. «Никому я не даю сейчас, а тебе дам», — так он сказал мне. «Ты человек какой-то необычный, тебя Учитель ждет». Я думаю: «Что это он мне сказал? Что тут необычного. Я пришел к ним учиться, а они меня так называли. Ну, ладно». И вот беру «Историю Паршека», беру мыло на всякий случай. Учитель же говорил, что чистым телом же надо быть. Если встречу озеро, помоюсь, чтобы от меня ни потом, ничем не пахло. И вот мы собираемся, а Миша мне последнюю проверку: «А обувь будем брать?» Я говорю: «Миша, мы же босиком пойдем, без головного убора, оденем только чистенькую маечку, паспорт возьмем, все документы». Деньги мы все роздали, я отдал все свое имущество, всем бедным, кого находил. Все, что только смог. И вот пошли, взяли «Историю Паршека», тетрадь, два куска мыла и что-то Миша там положил, не помню. У меня рюкзак получился тяжелый. «Миша, я буду нести рюкзак до конца». Одели такие курточки осенние, нам выдавали в училище, когда мы учились там на токаря. Она такая тоненькая, а под нее я одел футболку, она такая беленькая, тоненькая. А ему дал теплую кофту. Он же не хотел умирать, наверное. Я думал, что только я буду. «Может возьмем обувь?» — спрашивает Миша. «Ты хочешь — бери, а я не буду. Сколько можно говорить про обувь, два года готовимся — и обувь». Бабушка увидела нас. «Бабушка, мы скоро встретимся, все будет нормально». — «Где твоя обувь?» — спрашивает она. «Она впереди, бабушка». Я с таким своим понятием говорил, что это естественная обувь, чтобы не обмануть. «Там три ангела есть — воздух, вода и земля — они все нам дадут». В таком понятии я ее успокоил. У Учителя где-то прочитал, что лучшая обувь — это не иметь никакой обуви. Это естественная обувь. И вот мы уходим, как мы договорились,

чтобы было потемней — то ли 9 часов, то ли 11 часов. Чтобы не видели, никто не узнал. Там же были последователи. Кто-то нас увидит и скажет: «Вы что в сыновья записались?» Я думаю: «Боже упаси». А у нас длинные волосы, бородки отрасли. Я уже за два года всего этого навидался, пока занимался. И вот мы так идем: вышли на трассу Красноярскую, которая до Москвы идет. А там трое суток по этой трассе надо ехать на поезде. И я говорю: «Миша, вот по этой трассе пойдем в сторону Бугра». «Если я доживу», — говорит Миша. Мы, значит, начинаем идти. Холод, мороз 10–11 градусов. Миша радостный такой идет, он наелся котлет. А я постарался немного есть. У меня был некоторый опыт. Я же выходил, змей не боялся. Сейчас я их боюсь, как не знаю кто. С меня что-то снялось. Это, видно, нам дается, чтобы пройти. В общем, мы без Бога ничего не можем. Я уже был уверен, что смогу не поспать 4 дня, а в Природе тем более. Учитель говорил, что мы больные, когда одеты во все. Там я сниму одежду, все, лишь бы выйти на Природу. Такие коротенькие спортивные брючки одел. Босиком пошли. А Миша такой жизнерадостный, как дитя. Не понимает, для чего мы идем. Может быть меня по-своему хотел поддержать. Потом он мне сказал: «Почему я всегда верил, шел, потому что я думал, что ты сын». Понимаешь, он за счет веры выжил в Природе. А люди обычно умирают: то их без головы найдут, то еще что-то. Это все я тоже слышал. У меня же какой-то испуг был. Но я думал: «Раз дал слово, надо идти». Я все это знал и боялся, но как бы победил в этот момент и пошел, лишь бы сделать для Учителя, для людей. И он мне рассказывает ужасы, про скелетов что-то там. Я думаю: «Родненький, лишь бы ты только шел». Что происходит на следующий день? Наступает утро 15 октября. Мы уже прошли километров 50. Я потом узнал, что мы идем по трассе Красноярск–Москва, меня как бы вел дух. Мне же сон приснился. Я так мог сосредоточиться, что духом чувствовал Учителя по-своему. Я выбрал одну из многих дорог. Она была прямая на Москву. Машин не было.

Я тренировался, чтобы занять силы, опускался под воду. А человек, когда опускается под воду, «электразируется». Но эта

сила большая, она может психику нарушить. И вот мы идем по трассе, солнышко поднимается, снежок идет. На трассе его как бы и нету. Дорога бетонная, холодная. Ноги стерли уже к утру, почти до крови. И я смотрю: Миша почти умирает. А до этого я же знал, что я не какой-то там, что на меня что-то спустилось. Знал, что на смерть иду, в том понятии — пока выдержит плоть. Я понимал, что дух должен быть свободным, а тело надо подчинить себе. Как вот йоги занимаются. Учитель говорит: «У меня прямой путь».

И так вот мы идем. У меня все болит: от ходьбы, от всего. Мы шли часов семь-девять. Солнце поднялось, но его не видно, тучи шли, вихрь, снег пошел. Я смотрю: Миша идти уже не может. У него все болит. У меня тоже болит, люди-то одинаковые. Прошли километров 40-50. Сколько можно пройти с 21-23 часов до утра. Я тоже умирал, только в другом. Мне было все больно, я был натренирован и вдруг у меня все болит. Я уравнился с ним — у меня такая мысль. Я говорю: «Миша, ты же в армии был». И эта, может быть, гордость помогала ему идти. Я же младше его. «Да ничего, Сань», — говорил он. А я же вижу, я же изучил уже человека. Я понимал борьбу духа в нем. У меня к нему была такая благодарность, что он идет ради Учителя, по-своему. Он чуть двигался. И он иногда забывает об этой боли. А я думаю, что если я ему скажу, о своей боли, то у него будет еще больше болеть. У меня левая сторона вообще отнялась, а он может вообще сейчас умереть. А мы-то прошли еще совсем ничего. Мы же вот сядем и умрем в холоде полностью. Вихрь такой, снег. Мы идем. Я не могу передать эту боль. Я только осознал еще больше, понял. Страха у меня почему-то не появилось. Идем мы. И так вот мы прошли три дня и три ночи, без отдыха, не останавливались. Дальше сколько мы прошли — неделю, больше, меньше, я не помню. Помню три и после еще сколько-то дней, а сколько — не помню. Может 12, скорее меньше. У меня память плохая. Я слышу: «Он был 2 недели». Я слышу и думаю: «Боже!» То ли 7, то ли 9 дней, я не помню.

Третий день, утро. Что происходит? Вы поймите мое состояние, я внутри себя решил, что никогда не буду кушать.

Я ушел навсегда. Это не был фанатизм. Я знал, что это надо сделать. Сердцем и душой я понимал, что это так может быть нужно. Идем. И вдруг у меня проявляется способность, что я начинаю слышать человека. Это место, оно у меня сзади головы, на затылке. А Миша отставал метров на 200, но ни разу я не останавливался, хотя были искушения. Я читал в «Истории Паршека», что Учитель всегда топтался, чтобы не замерзнуть. А усталость большая. Я старался не думать ни о чем, хотя мысли всегда приходили об усталости, искушение... полежать. Учитель говорил, что когда человек лег, он умер. Я думаю: «Мне еще рано умирать». Сколько я стою, столько и буду идти. Ради всех людей. И вот что происходит на третье утро. До этого я научился так дышать, чтобы утолить аппетит. У Учителя я прочитал, что надо так брать воздух, чтобы ты проглотил и как бы досыта наелся, я этому научился. И Мишу стал учить в первый же день. Почему он выдержал тоже. Я дышал так, что у меня в горле бурлило... Чувствую, что досыта наелся. Но мы долго его, до отрыжки, глотали. Я у Учителя читал, у Валентины Леонтьевны, что надо поворачиваться туда, откуда ветер дует. Я Мише все об этом рассказывал, передавал опыт Учителя, как дышать. Первый раз мы за три дня остановились. Идем такие жизнерадостные и поем песни. Учитель говорил, что жизнерадостность спасает человека. И вот мы поем его же песни. Идем три дня. Настает утро четвертого дня. И вот, что у меня происходит. Я вот этим местом на затылке, выше шеи, у меня шишечка появилась такая, ну это потом. А в это время ее у меня не было. Так вот, этим местом я слышу.

Были остановки. Я старался не ложиться, ни в коем случае не спать. Но когда Миша уже не мог идти, мне нужно было постоять перед ним. Я думаю: «Учитель, ты наверное все свое здоровье людям отдал». А я ни массажа, ничего не знаю. Мне рассказывали, что Валентина Леонтьевна найдет узелок, который образуется в результате растяжения мышц (или, что-то тяжелое поднял) и говорит: «Ты этот узелок гони-гони». Куда гнать, я что-то не помню, но куда-то его надо гнать. И вот так я делаю Мише массаж. Но себе я ничего не делаю. Думаю:

«Природа поможет. Если ты мне дала грибок, ты его и снимешь». Для меня главное было Мише помочь. Я вспоминаю, почему это делал. У меня же был чуть ли не страх: я слышал как Петро говорил: «А сын, если придет, он принимать не будет». Я сразу понял, что это не я: я же вроде бы принимаю. У меня не было такой мысли, что я — сын. Хотя она чуть ли не присутствовала во мне, когда пошел в Природу и у меня силы стали появляться. Стал больше понимать «Историю Паршека», что вот какой примерно человек новый должен быть. И я среди таких людей могу находиться. Это у меня уже потом появилось.

Так вот, родненькие, я начинаю убирать эти узлы у Миши. Они почему-то такие большие: может быть все болезни стягивались в эти узлы. Я их куда-то убирал. Анатомию до сих пор не знал, а Учитель говорил, что ее надо знать. Иногда убирал у Миши какие-то хрящики, которые попадались под руку. У меня же пробудились ток, электричество, магнито. По дороге мы окунались в каждое попадавшееся озеро, а их за день попадалось 2-3, а иногда больше.

Хотя было холодно, постоянно шел снег, наши курточки нас совсем не согревали. Но я старался сохранить спокойствие, поддержать Мишу, проявлял к нему любовь, а также ко всему окружающему. А внешняя поддержка дополнялась внутренней: я же настраивался, чтобы мои глаза постоянно излучали любовь. Миша был потрясен этой волей. А я только благодаря Учителю добивался этого. Я же с Него брал пример: как Он в тюрьмах и больницах терпел. У меня каждую минуту приходила мысль: «А как же Учитель, как Ему было?» Когда наступал на камни, должен был закричать от боли. А ноги все в крови, кожа стерлась до костей. Миша: «Ах, ах!» Меня это потом чуть ли не раздражало, когда он часто кричал. А я вот так взял и сжал зубы. А их попробуй еще сожми. Они стучали от холода. Я только вдохновлялся словами Учителя: «Тело дрожит — оно живет». И вот так мы шли, дрожали и терпели, по-своему понимая, что мы делаем что-то хорошее. Я иду, иду и думаю о своем, за людей. Не за тех людей, которые смеются и улыбаются, а за тех людей, которых я не знаю, за кого

я иду. За всех Учитель шел. А среди всех есть те, для которых это нужно, которые этого ждут. А я не знаю, где они. Как Учитель, может быть не всегда знал, где они, по-своему, как человек. И вот, что я хочу сказать. Проезжают машины, люди смеются, а у меня же опыт внутри, я же за эти дни стал над собой работать. Я вижу у меня зло не появляется, я смотрю на это и думаю: «Если бы знали для чего мы это делаем и как». Я думаю: «Ох! А если бы Учитель, Он бы разве проходил 50 лет с такими мыслями». И говорю себе: «Раз! Стоп!» И понимаю, что надо с любовью. Если с любовью посмотришь, легче не становится, но я могу выдержать это. А потом, зачем вообще я должен смотреть на эти машины, на людей? Я не стал себя испытывать, я знал, что я, могу с любовью на них смотреть и не обижаться. Когда я и это переступил в себе, я понял, что мне и смотреть уже не надо, не из-за того, что я их не люблю, это ни к чему. Мало нам камней, мало вихрей, мало голода, мало того, что мы не спим уже который день. Мы поняли. И вот я иду вот так. Миша идет за мной и не выдержал: «Как они мне все надоели. . . » И там такие слова пошли. Я настолько старался проявить к нему мою любовь через эту боль, и то что я его понимаю. И в этот момент я посмотрел на него с такой любовью, сколько мог набрать этой любви от Духа Святого, от воздуха, воды, земли. Я ему сказал: «Мишенька, а ты постарайся с любовью ступить на камушек. Ты заметь, что если ты обозлишься, тебе камень под ногу попадет». Я уже заметил, анализирую. Мне тоже попадают камни, но у него чаще. Он ругается: «Откуда здесь камни взялись?» А я вспоминаю слова Учителя: «Если вы не расскажете, камни заговорят». Думаю, не буду на них обижаться. Ну, всякое думается. Еще вспоминаю слова: «И расскажет он о тысячелетиях, о других мирах, о другом создателе, который дает душу всем тем, кто любит жарким сердцем все сущее на Земле, будь-то камни, или цветок, человек или червяк». А я змей боялся и до сих пор боюсь. И вот что дальше. Идем. Я понимаю, что к камням надо относиться с любовью. Я знаю, что мне они попадают в темноте. А с любовью, чтоб на них не обижаться, не злиться, а чтоб через вот эту кровавую боль, которая на ступнях и через

этот холод, голод и все остальное — не обозлиться, с любовью. Вспомнил я слова Учителя о том, что земля — по чему надо ходить босиком. Потому что земля питается через наши ноги, так говорил Учитель. Я не знаю откуда брались камни. Днем смотришь нет камней, а ночью полно.

«Миша, знаешь, ты не смотри на машины, на людей. Ты зачем смотришь? Хочешь, чтобы они тебя похвалили? Ты зачем пошел? Кто тебя сюда звал? Ты сам пошел. Ты согласен? Мы вместе идем за Учителем. Не смотри на них». Люди в машинах только смеялись. Иногда смеялись и кричали: «Эй, вы, закаленные!» Всякое было. Мы еще шли с длинными волосами на головах, с бородами — за года два отросли. Я ему с такой любовью говорил, от меня такая любовь исходила. Учитель так учил. Идем дальше. И я начинаю слышать этим местом на голове (на затылке). Т. е. как слышать? Я понимаю как бы его желания и мысли. Я слышу: он очень сильно хочет спать. Я вроде бы и не думал о нем. Вдруг я понимаю, настолько это сильно слышу. Не только понимаю, а я слышу, что его душа и весь он сосредоточен на такой мысли: «Я хочу спать очень сильно, я хочу есть очень сильно, я просто умру, если сейчас не поем, не посплю, если я не посижу». Я слышу не слова, я не знаю как это сказать. Я думаю: «А может я ошибаюсь?» Иисуса Христа кто-то так искушал. Мне Миша рассказывал, что дьявол его искушал. Все испытания надо как блаженство воспринимать, спокойно. Я сказал: «Мишенька, правильно ли я слышу? Ты мне подтверди, и, пожалуйста, очень честно скажи». — «Да, Саша, но я буду терпеть». — «А у тебя нету таких мыслей?» — спросил он. «Нет». Я боялся допустить такую мысль, потому что я знал, что не выдержу.

«Как ты выдерживаешь?» Это невозможно выдержать такие мысли, вообще умереть можно психологически. Там позади сотни километров, а там впереди неизвестно что. Я говорю: «Миша!» И вдруг у меня слышимость или видение проявилось, я говорю: «Миша, сейчас через десяток километров будет поселение. И если угодно Учителю, то ты зайдешь и покушаешь. И не бойся». Он говорит: «Я ни за что не покушаю, если ты не пойдешь со мной». «Миша, там посмотрим, я не могу, я не

знаю, пустит ли меня Природа. Если нас пустят, тогда может я найду с тобой». Получилось так, что через три дня мы сначала в первый дом зашли. Один человек подумал, что там воровать идут и Мишу чуть не ударил. А я любовь направил на него. И вдруг я почувствовал, что со мной, как облако какое-то: ток, магнито, электричество. Я сказал: «Учитель, иди впереди». И вот я вижу, что человек сейчас ударит Мишу. Какой-то тракторист ехал мимо, увидел, что кто-то стучится. Я подхожу к трактористу и говорю: «Здравствуйте». И у меня такая любовь, что раз! И он просто застыл. «Здравствуйте». Миша ничего сказать не может. Мы замерзли. «Вы не думайте, что мы воры и отшельники. Мы такой эксперимент делаем. Учитель так делал». Он: «Ребята, я сейчас уезжаю, мне некогда, а вот там у нас есть столовая, пойдите туда, вас там накормят и там согреетесь». — «Миша, вот если сейчас мы туда зайдём, и если люди сами первые предложат покушать, то только тогда можно покушать». Я вхожу, рабочие смотрят на нас, поздоровались. Они дали покушать нам: супчик, хлебушек, чаек. А я «Историю Паршека» поставил, чтобы они видели.

Идем дальше. Чуть потеплело, но ветер и снег продолжает идти. Я еще запомнил второй случай. Мы проходили селение, коровы идут без пастуха. Вспоминаю слова Учителя: «Знаю, знаю и слышу как на бойне убивают животных». И вот глаза животных я видел не как сейчас, а как Учитель. А там мне было открыто другое зрение: чистые, какая у них душа! Чистейшая! Такие глаза! Чувствовал эту их боль — они знали, что они умрут. И знают, что их убьют люди. Представляете, там идет бык, он сопровождает коров, их голов 10. Ни пастуха, никого. Они впереди шли, метров 20–30 от меня. И я думаю: «Роденьки мои, если я когда-то выживу, приду на Землю, я вас всех из этих тюрем выведу». Я подхожу к ним, а они в слезах. Я их всех обвел взглядом, во мне было чувство такое, наверное, что-то Христово: не я сам, а во мне. Как-будто в меня Учитель вошел и через меня посмотрел. Потому что, чего они заплакали? Я понял, насколько они ждут пришествия Учителя! Не одни люди этого ждут, что есть еще цветы, камни, все живое. Это я понял через эти камни, через этих коровок, через

солнышко, через ту грязь. Не помню, что было дальше. Проходим лес. Там сено старое лежало. И вдруг вижу: грязь, как глина. Я побежал, смотрю: здесь земля твердая, а там мягче. Она теплая. Везде замерзшая, а здесь теплая. Видно машина проезжала, и возможно она стояла здесь долго, тепло шло от двигателя. Грязь оказалась такая теплая. Как, это получилось, не знаю, но оказалось, благодаря Природе, Учителю я смог это узнать. Мы скорей туда, остановились, и вот на ногах появилась тоненькая кожица. Это была предпоследняя или последняя ночь.

У меня еще раньше отнялась левая сторона спины, не могу двигать. Отчего отнялась? Может быть, я когда-то штангу поднимал. Не знаю. И я думаю: «Сейчас немного прилягу, чтобы эта сторона отошла». И мы легли на сено. Миша сразу же уснул. А я так полежал, полежал, весь сосредоточился, чтобы тело отдохнуло. Массаж себе делал лежа. До этого мы все время в стоячем положении были. Полежали с полчаса и пошли дальше. Когда была последняя ночь, я слышу затылком, идут мысли, что Миша спать хочет, идти не может. Может это шло не от Миши, а от Природы, но я думаю, что от Миши: так чувствовал. Вот, думаю, испытание мне. Сколько их там было! И сколько срывов было. Я еще не умер, чувствую, что у меня пробудилось неземное тепло. Я как-то привык к холоду за эти дни. Я почувствовал: тепло пошло как-то с ног в первую очередь. Я так рад был, когда мы раздевались, купались в очередной раз. И вот я это слышу и обращаюсь к Учителю: «Учитель, вот я слышу такое от тебя, от Природы, от Миши. Правда ли? Если я слышу правильно, ответь».

Я уже идти не могу, ну передвигались мы по 100 м за полчаса. Я не знаю сколько. Уже идти не можем. Не знаю какой день. Не знаю, за сколько дней можно так опухнуть от усталости. А вихри опять. Я обращаюсь к Учителю: «Родненький, Учитель, я готов идти дальше, только я не знаю, как идти, не могу идти». Я чувствую ясно, ясные мысли идут. Учитель говорит: «Жизнь раскрывается в холоде». И вот эти слова меня вдохновили. Как же мне правильно понять Его? А вихри невозможные. Иногда леса проходили, иногда поля.

«Учитель, если ты меня слышишь, если надо это по твоей воле, потому что я не знаю, как идти дальше. Если ты скажешь ползти — я поползу. Я знаю, что мне надо идти до тех пор, пока я могу двигаться. Но как? Я могу руками. Как передвигаться? Стоять я не могу, т. к. замерзну. Как? Как? Как отца тебя, прошу. Как? Ради людей, ради человечества прошу! Чтобы тебе польза была. Надо ли нам остановиться на какое-то время?» А где? Если мы остановимся, мы сейчас же замерзнем. Дрожим невероятно. Я обращаюсь к Учителю: «Как это сделать?» И вдруг мне приходит мысль. Если нам надо остановиться, от этого вихря спрятаться, где-то надо под деревьями, потому что невозможно идти дальше. «Учитель, родненький, если это на самом деле так, если это по твоей воле, а не по моей слабости, что я не могу идти, то дай мне тысячу иголок в ногу, только тогда я поверю, что это от тебя. Я не боюсь умереть, потому что я иду на смерть, и дай мне тысячу иголок в ногу». А как это может вдруг случиться, где они возьмутся? Т. е. пускай боль будет в ноге такая, как будто от тысячи иголок. Я не легкого просил. Я буду жить после этой боли, только пускай Он мне скажет правильно ли это. И что вы думаете? Откуда иголки взялись? Я как закричу на всю вселенную от боли, что я на какой-то камень наступил и не могу сдержаться. И потом мне еще радостно было, что Миша подалее был и не слышит. Я старался его не искушать. Тело стонало. Я еще закричал, откуда у меня силы взялись такие. И Миша тут прибежал: «Что с тобой случилось?» И у меня вдруг такая энергия пошла от этой боли. И мне как озаренье, как молния: я услышал Его. Меня иголками от макушки до ног пронзило. Это была такая боль, которой раньше никогда не случалось. Я чуть не умер от нее. А в другом месте какая-то святость вошла в душу, потому что я вдруг услышал Его, он мне дал знак. Я без сомнения знал, что Он дал мне знак остановиться. Я был счастлив, потому что он услышал меня, что за все это время я смог установить эту нить связи с Ним. Я так Его попросил за все эти два года, что в эту же секунду пришла от него рука помощи. Миша смотрел на меня как на бога. Я не сомневался, что за все эти дни был я впервые в этот момент

под Духом Святым. Где же остановиться? Мы стоим. «Миша, если сверкнет рядом какой-то свет или что то еще, будет знак, что здесь рядом какой-то лесок». А было очень темно, ни луны, ни звезд, ничего не было видно. Вдруг, что-то сверкнуло, может быть машины. И вдруг видим лесок, деревья. «А вот, что там такое? Что-то меня туда тянет». Я понимал, что силы Учителя рядом, что я очистился. Меня потянуло... Подошли, смотрим: стоит копна сена, а рядом лесочек, вспаханная земля. Копна сена такая твердая, как лед. Миша: «Я тебя научу, как сделать нору». Мы нашли сторону, где меньше было ветра. Все мысли от меня ушли, где мы, зачем мы здесь. Только одна мысль была: остановиться. Мы прорываем нору, обдирая пальцы. Миша меня проталкивает дальше, а сам ложится с краю. Миша заснул сразу мертвым сном. А я стал спокойно размышлять, отдыхая от сильного вихря, который шумит еще в ушах. Холодно, также дрожим, телами греем друг друга. Я стал успокаиваться и вдруг вспоминаю слова Учителя, что все произойдет в один миг: закрыл глаза и открыл. Я смотрю на Мишу и думаю: «Как в холоде можно спать?» Да, после такой дороги и столько не спать, и в холоде заснешь. И вдруг у меня к нему такая любовь пошла. Я рукой дотронулся до него, чтобы не разбудить. Что-то вдруг случилось: у меня потекла из носа кровь. Думаю: что же такое. Течет, течет. А я не знаю, что это кровь. Думаю, странная жидкость какая-то: у нас нет ни насморка, ничего. Тело расслабилось, закрываю глаза. К этому случаю я хочу сказать. Бабушка Таня, мать Юры Опрышко, которая мне передала шорты Учителя, когда я к ним пришел. Она мне сказала, что Учитель говорил, что все произойдет так: вот закрыл глаза и открыл. Я понял так, что ж не будем думать о времени. Я знал, что я не засну ни в коем случае, у меня сна не было вообще. У меня понятия сна уже не было. В природе, я сознание проявил. У меня явилось сознание, что я не буду кушать. У меня не было ни голода, у меня не было это просто в мыслях. И вот я так сижу и думаю: как же все произойдет, когда люди будут? Я думал, что уже их не увижу. Я думал, что вот мы сейчас отдохнем и пойдем дальше. И вот я закрываю глаза и открываю и ничего не по-

нимаю: где мы находимся? Как будто в помещении каком-то. Я вот такой же. Как бы мы в этом же сене, но все раздвинуто и приподнято. Мы как в доме. У меня нет никакого удивления. Я просто открыл глаза и реально вижу, что Миша сидит у моих ног и дрожит. И слышу я голоса: «Вот они, вот они...» Эти голоса сливаются в один: «Вот он, вот он». У меня страх поднимается, который у нас надо еще победить. Понимаете, какой страх: «Боже мой, в чужое сено залезли! Опозорил Идею Учителя». У меня с собой фотографии, «История Паршека». Вот это меня беспокоит — ни о чем другом. Не понимаю! Сейчас 3 часа ночи, села и города за десятки километров. Одно в голове: «Идею Учителя опозорил». Хочу встать. Миша был ближе к выходу. Сейчас они изобьют его, а он не успеет ничего сказать, как всегда. Я же был инициатором похода в Природу. Я должен выйти и сказать: «Родненькие, простите, извините, что мы испортили ваше сено». И вдруг слышу голос Миши, как ангела в нем. Он обращается ко мне: «Господи! Я же должен за тебя умереть». Я ничего не могу понять. Я спокойный, одухотворенный сижу. А он сам подняться не может. В теле его храп продолжается, сидит и спит. Он дрожит, а я в этот момент не дрожу, когда глаза открыл. Что происходит. Он говорит: «Господи, я же за тебя должен умереть», — отвечая как бы мне. У меня к нему такая благодарность. Я понял, что в нем душа говорит или дух, а он сам, спит. Я тут руку кладу. Думаю: «Боже, желтое тело, как солнце или луна». Я руку на голову положил с благодарностью. Родненький... Я встаю и выхожу сквозь сено, такой легкий в сознании. Смотрю и вижу: стоят паренек с девушкой, прижались и говорят: «Дух Святой пришел, Дух Святой пришел». Учитель говорил: «Я дух всего мира». Когда человек накопит, у него будет Дух Святой. И вдруг они мне говорят. А я не такой как сейчас, а освященный такой, спокойный. Я понимаю их и как бы говорю «хорошо». Я хотел сказать: «Я понял». Я был в это время не я, а как бы высшее и низшее. Они куда-то подевались. Я запомнил, что небо было зеленое. Вдруг появляется еще женщина постарше и тоже говорит: «Дух Святой, пришел на Землю». Скороговоркой говорит. Я слушаю и кланяюсь. И пошел задом. У меня

тело было очень легким. Может был выход духа, я не знаю. Ощущал свои руки, они были какими-то другими, светлыми, как огненными. Я обратно сел и открываю глаза. Это же был один миг для меня. Я же сказал: «Закрою глаза и открою». У меня были обострены чувства. Я тогда чувствовал каждый поворот головы. Духом Святым. Закрываю глаза и чувствую, что закрываюсь Духом Святым и открываюсь Духом Святым. Я не могу описать это. Это сейчас я чувствую порывами: когда спокоен, уравновешен. И он исходит, и так же там. Я в таком состоянии был там. Что ни делал, делал с ним, с этим Духом Святым. Я думал: «Вот Он». Учитель говорил: «Все делай со Мной». Все движения были женственные. Я был как девушка. Глаза шире стали, разрез удлинился. И в таком состоянии духа открываю глаза и так дрожу. Сначала я ничего не понял, что произошло. Я ведь только закрыл глаза и увидел, что произошло. Я не понимал, что тело, дух, душа... у кого-то выходит. Я понимал, что это все реально происходило. А здесь у меня опять человеческие мысли: «Хватило бы только сил. Учитель мне поможет». И вот смотрю: уже солнышко. Как это? Вроде бы один мир был. Сколько времени мы там просидели с ночи? Уже солнышко поднялось, а у меня как один миг. После этого мы вышли, с ног опухоль немного сошла. Но правая нога у меня оставалась толстенная. Пospали мы часов пять или меньше. Думаю, как же это в один миг? И вот я встаю, а встать не могу. Миша встал: «Я такой сильный». Мне стыдно, что я встать не могу. «Давай я тебя подниму». — «Сейчас, Миша, мне надо сосредоточиться». Я вспоминаю, как надо встать на ноги, как будто я и ходить не умел никогда. Только сознанием: «Так вот руку положить, так вот ногу поставить». И я потихоньку встал на ноги. А идти я не знаю как, вроде бы забыл за это время видения. А говорить могу, не заикаюсь. «Миша, подожди, я сейчас восстановлюсь». Не знаю, как ему объяснить, что со мной произошло. Я как бы заново учусь ходить. За какие-то минуты снова научился ходить. Я сознанием своим заставлял двигаться: сюда одна нога, сюда вторая. И потом во мне включилось что-то, — и я понял как надо делать. Что же со мной было? Все это как бы после смерти. Я заново всему

учился, когда мы выбрались из стога, когда мне виденье было. Мы пошли дальше. Я шел в каком-то другом состоянии, уже какой-то другой. Как-будто во мне созрело то новое тело. Какое? Я не знаю. Или может сознание так созрело, что я могу в Природе по другому находиться: не в подушках, не в кровати. Я не знаю, как сказать. И вот мы идем, и у меня как бы мысль. Думаю: «Боже, как же так произошло, что я повидал больше, чем нужно?» Я переживал, но какая-то уверенность была, что Учитель слышит меня. Мы идем. Начался сильный мороз, градусов 15, и снег стал падать сильный, ноги стали горячими. Но мы дрожим. После отдыха стало еще трудней двигаться, надо начинать все сначала. И еще в сознании мысль: «Не надо больше идти». Когда до этого я шел, у меня было понятие, что впереди там свет, стремление было идти вперед, я не останавливался, шел. А здесь уже думаю: «Куда?» Продолжаю по трассе автоматически идти, а понятия, для чего идти, нет. Я же понимал, что я иду, чтоб было видно, что пришла любовь на землю. А тут что-то произошло, когда мы остановились. Я же видел, что Дух пришел. И я успокоился. Он пришел, все. Он пришел на Землю, в Матери или Отце — я не знаю. Он уже на Земле. Мне же сказали, и душа то приняла. А сам я по-человечески не могу понять, что я закончил путь свой, что мне выпало так родиться в сознании, чтобы я позади оставил все пороки, которые бы больше не вернули меня к этому всему земному.

К вечеру мы сильно замерзли. Я не знаю, что такое? У меня же дух, а еще сильнее мерзну. Впереди какая-то деревня, недалеко от Кемерово. И не доходя ее, когда мы еще ее не видели, по трассе идем, я вижу, что Миша совершенно не может идти. И я тоже. Думаю: «Учитель, я прошу тебя, ради этого человека, пускай его посадят на машину». Руку поднимаю, никто не останавливается, т. е. благословения Учитель не давал. Кое-как дошли до деревни. Думаю: «Слава Богу, хоть где-то чуть-чуть согреться можно, просушиться». Мокрая курточка мешала в движении, она натирала тело. Лучше бы было идти без одежды, но так как милиция проезжала по трассе, то мы не могли раздеться. Такие муки были, оставалось несколько ки-

лометров, самые тяжелые километры за весь проход. Мы же не ели ничего, кроме того, что поели в столовой. И без сна, и без отдыха. И вот доходим мы до деревни, входим мы в нее, и что происходит? Что то божественное в нас, это Дух Святой в Природе с этой болью и любовью на нас лежит. И мы такие спокойные. Думаю: «Зайдем, хоть в подъезд, согреемся и дальше пойдем». Не было мысли останавливаться. А сейчас дальше идти не могу. Природа нас не пускает, смысл ушел. Мне уже было сказано ангелами или кем-то в видении, что Дух Святой пришел. А Учитель говорил: «Я — Дух Святой». Значит, Он уже где-то ходит. Мне как бы знак был, что все уже произошло, что я хотел узнать. Около этой деревни гравий лежит, и мы по этим камням идем. Мы вошли в какой-то дом, нас встретил парень и еще несколько мужчин, они немного были выпимши. «Ребята, что это с вами?» Он видит, что мы босиком, а на улице мороз минус пятнадцать градусов. Он свою фуфайку снимает, кладет нам, чтобы мы сели. Нам неудобно (кажется это была котельная). Стали нас расспрашивать. Мы чуть-чуть рассказали. И тут он: «Как? Не ели столько дней? Как это можно?» Я достал «Историю Паршека», стали говорить про Учителя, а мы не знали, что была суббота. «Мы вас никуда не отпустим, пока не покормим». Я не знал, какое было число, день, мне легче было идти в Природе, не зная чисел. Нам дали сгущенку, картошки принесли. Я спрашивал Природу, но произошло так, видно был знак или благословение, не помню, я понял, что надо обратиться к людям, никуда не надо больше идти. Я уже не понимал, для чего это надо было продолжать. До какого-то времени у меня была ясная цель. Я очень сильно слышал Учителя в Природе. Мы покушали. Тут Миша спросил, какой сегодня день. Ему ответили, что суббота. Он испугался. А мы уже покушали. И вдруг я вспоминаю слова: «Не человек для субботы, а суббота для человека». Где-то я слышал.

До этой встречи, еще была встреча с женщинами, они были пожилые. Учитель всегда говорил, что надо вежливо с просьбою обращаться. Я подхожу и говорю: «Здравствуйте! Можно к вам зайти погреться?» А они в ответ: «Нет, пошли отсю-

да». Конечно, внешне мы были растрепаны, босиком. Они не видят, что красота-то у нас в глазах, божественная. Бог дает божественное человеку, который выдержит то, что пришлось нам выдержать. Одна любовь в глазах. Они не пустили нас. «Идите в котельную», — сказали они. Мы пошли, и вдруг меня разворачивает дух и я говорю: «Камнями встречали, камни и получите». Миша на меня обернулся и испугался. «Ничего себе! Как Учитель сказал, как Бог». И такая у меня строгость, я сам не ожидал. Я же к ним вежливо обратился, и мы уже пошли, а меня разворачивает. Я как бы слился с этим духом, и он уже как бы во мне говорит. Я бы сам этого никогда не сказал бы. Они застыли и ничего не сказали, как будто у них, сознание стало проявляться. Я думаю, что после этого, если бы мы еще раз попросили, они бы нас пустили. Но дух нас повел дальше. В котельной нас мужчины приютили. Был уже вечер.

Учитель говорил, что меня узнают по ножке. У него правая ножка была больше, все знают. И Дух Святой, видно можно узнать по ножке. Сейчас Он — непосредственно Дух Святой. Но кто в Природе будет, кто придет с Учителем, у того нога будет больше. Я не знаю, я по себе сужу. Может, я на камне больше этой ногой наступал. Насчет субботы я успокоился. Учитель говорил: «Кто не знает, тому простится». Там был один мужчина, который дал нам сгущенку, он никак не мог оторваться от моей ноги, т. е. он смотрит на правую ногу и с ним что-то происходит. Он смотрит на эту ногу, глаза закрывает и снова, смотрит. Я не говорю, что я общаюсь с Учителем через эту ногу. Этот мужчина пригласил нас к себе домой. Вещи мы оставили в котельной. Он жил с женщиной, она дояркой была. Угостил нас молоком, салом. Тело у меня стало красное, как рак. Мы ничего не кушали. А тут сало и молоко так хорошо пошли. Видно Природа разрешила. С одной стороны, у меня тело уже не воспринимало пищу, а с другой стороны, пища легко пошла. Учитель говорил, что если нужно, то ложку выбью изо рта. Мы немного восстановились, помылись в ванной, облились. Тело красное, горит.

Мы вышли на трассу. Только у меня нет такого рвения, как раньше: «Дойти, дойти, дойти!» Что-то я получил, но что? Ка-

кое то понятие ко мне пришло, что я что-то сделал, куда-то пришел. А потом я стал думать: «А куда я вообще шел?» У меня мысль была: Чувилкин Вугор. Я думал, что я смогу дойти из Сибири до Чувилкина Вугра. Я верил в Природу, в ее силы. Надо было прилечь где-нибудь, а я думал, что нельзя даже останавливаться, сохранить тело свое. А я его мучил по незнанию. Теперь-то я знаю. Я пробовал сколько раз выходить в Природу, теперь тело я люблю, берегу. Я и тогда любил его, но на том уровне сознания. Но как я себя мучил, эти опухоли на ногах и остальное. Мы идем и у меня мысль такая: «До куда же мне идти дальше? До Вугра, а дальше? Если нам не надо идти, то нас зеленая машина подвезет». И только я это сказал, как мимо ехал автобусик маленький, как скорая помощь, зеленого цвета. Я ничего не успел сообразить, как оказался в автобусе. Что-то вело, и я согласился с этим. На этом у меня закончился поход в Природу.

* * *

Когда увидел себя в зеркале, сам был удивлен. И дальше пошло так, что ко мне стали притягиваться люди, которые здесь: Валя, потом Галя. Они меня представляют по-своему. У меня свои мысли. Было очень много людей, которые в то время признали меня как сына. Валя, одна из тех, кто остался. Многие могут воспринимать это как фантазии, хотя этого во мне нет. Валя все равно во мне это видит. И с другой стороны, я благодарен Учителю, что благодаря таким как Валя, я, наверно, вообще живу. Может я неправильно живу, может по своим понятиям не так иду. Но в чем то она во мне видит хорошее, Учителево (она видела тогда, когда я пришел из Природы).

Я пошел этот крест нести, многим рассказывал. Бабушка Таня шорты подарила Учителевы: «Я их никому не давала, никто не одевал, только Юра одевал раз». Я одел. В это время Миша входит. Раз! На поклон. Они точь-в-точь по мне. Учитель-то высокий. Я их одел, а они мне в самый раз. Я одел эти шорты после возвращения из Природы. Я рассказал бабушке Тане, что мы пережили. Юра слышал. Они что-то во мне почувствовали. Я был тогда, как дитя, не такой как сейчас. Миша входит и делает вот такой поклон до земли. А я

строгий: «Миша, ты что делаешь?» Я же знаю, что нет еще ничего. Если будет, то со всеми будет. Я чувствую человека после Природы: как он ко мне подходит. У меня дух очистился, но тело еще нет, в нем еще недостатки. «Я сам не знаю, чего я поклонился», — сказал Миша. «Ну, ладно, смотри, Миша, характер у меня такой, что я не могу признать, если врешь». Я почувствовал, что он не соврал. «Я не знаю, я поклонился и все». Что произошло? После этих шорт, люди появились.

ЗОНТ

Рассказ А. Павлова на встрече в Валдае 20.01.1997 г.

«Человек легкого характера делается, своим зонтом легким себя в воздух поднимет, будет летать, не будет в Природе видим. Голосом говорить не будет, а когда он свои слова направит, себя покажет. Это будет он такой для всех. Он будет для всех безвреден, не будет плохого чинить. По-новому будут жить люди в Природе. Не самолеты, не спутники, а люди добьются. Человек пойдет своим телом по воде. Вот чего люди сами добьются. Тепло проявится в энергичном теле, оно больше умирать не будет». Так пишет Учитель. А еще непосредственно про зонт: «Человек под грудью имеет зонт легких, которые наполняются и свои сжатые возможности расширяют. Вдох должен потянуть в воздух тело, не тяжелое, а легкое. То есть, у нас должны быть легкие тела. Это будет сделано в Природе за человекову кругозорность. Он мало знает, такой человек. Ему люди не верили, не верит. Тайну человек должен найти в себе, в естественном теле своем, в себе лично».

Это я все прочитал в «Истории Паршека», в тетрадах.

Однажды, когда я был в Костроме, провожали брата в армию. А младшего брата я очень любил. У него глаз поврежден, бельмо. Девочка одна ногтем ткнула, и у него бельмо на глазу, он не видит. Я ему говорю: «Что-то делай». И он стал терпеть. Я его очень любил: его избивали всегда, нам так не везло в семье. И вот его отправляем в армию. Я уже шел по Учителю. Мне было так его жаль и я так его любил, что пошел в степь и там плакал. Я хожу часа четыре, и у меня слезы градом льются. Плачу и прошу Учителя, чтобы брат только там выжил. Потому что я знаю, какая сейчас армия, что там было, когда он шел служить. Так я ходил четыре часа и плакал. Ветер в меня дул, а я в это время Учителя просил, чтобы только он там живой был. И отца, конечно, вспомнил. И Учителя просил-просил. И вот во время слез у меня душа открылась.

И что произошло? Ко мне приходит неожиданное решение уехать в Сибирь к бабушке, где я являюсь опекуном. Там всегда набирался сил, потому что в общении с людьми ты не всегда можешь быть с Учителем. Потому что к тебе большое вни-

мание, на тебя уже смотрят по-другому. Я стараюсь не привлекать внимания к себе. Правильно или неправильно это, не знаю. Слишком обоготворяют. Все люди это могут. И вот что произошло. Никто не ожидал, а я говорю, что завтра или послезавтра уезжаю в Сибирь. А я ведь только недавно приехал и уезжаю. И три дня в дороге почти ничего не ел.

Приезжаю туда, там неделю вроде кушаю. И что происходит. Это было лето, июль, жара до 35 градусов. Ко мне приходит какое-то особенное состояние благодаря тому, что тогда в Костроме душа открылась, когда ходил в степи, дышал и плакал. Нахожу в тетрадах Учителя про жару. Думаю: «Боже! Я уже прошел воздух, воду, землю, закалывание, знаю, как под водой находиться, по земле ходить с любовью, по камням и по всему остальному, чтобы земля питалась, т. е. чтобы чувствовать каждую сориночку. С любовью пронизывать всю Землю. Вот тогда Земля будет питаться через ноги твои. Это настолько... Как говорил Учитель: «Своими ногами, своими лапами...» Лапами — это руками, т. е. ласково, нежно так по земле надо идти, как будто ты летишь. Тогда ты одухотворяешься полностью. К воздуху выходишь также. Ты должен его ощущать полностью, что он как бы тебя поворачивает. Настолько должен быть легким, как пушинка, чтобы ты чувствовал, чтобы тебя Дух Святой вел. А мы же такие грубые, ничего не чувствуем, такие напряженные всегда, особенно, когда физически работаем.

И вот я думаю, что в Природе проходил воздух, воду и землю, а ведь солнце еще есть. Многие тетради ему посвящены. И вдруг открываю тетрадь, какую-то страницу и мне открывается. Я смотрю, и мне как подсказка. Учитель пишет: «Я эти силы выпросил в Природе при солнышке». И у меня мысль: а жару я не проходил. Холод, голод я проходил, страдания, боли. Односторонне закалился, чего-то мне еще не хватает. А жару я еще не проходил, солнце. Ведь Он мог быть на солнце хоть сколько. И я решаю, что сейчас не буду жидкости пить, буду себя ограничивать в пище и находиться хотя бы по 6 часов полностью на солнце.

И начинаю. В воскресенье последний раз кушаю и с поне-

дельника до вечера полностью нахожусь на солнце. Жара до 35 градусов, но я такое место нахожу: там у нас озеро маленькое, где и ветра нет. Я как в парилке. Весь пот выходит, сначала лежал, а на второй день уже и лежать не мог. У меня сильная жажда появилась. А я прихожу домой и делаю жажду еще сильнее. Жарю картошечки маленькую сковородочку. Это меня так Дух вел. Беру подсолнечное масло, три-четыре картофелки, режу соломкой и ужариваю настолько, что она становится, как сухая. А в конце чуть-чуть сливочного масла добавляю, как бы смазывается. Меня так Дух вел. Это съедаю и у меня слюны почти нет. Благодаря этой пище высасывается вся жидкость, она сгорает. И я съедаю одно яблочко, чтобы там хотя бы немного прочистить.

Так я делал три дня. На третий день я — кожа да кости, как будто бы 10 дней не ел. Уже встаю. Первый день лежал на спине, весь черный стал. И люди думают, что я обгорел. А на самом деле, если бы я в это время выпил жидкости, с меня бы слезла вся кожа, настолько был весь огненный, красный-красный. На второй день у меня как-то по другому. А на третий день кожа становится бронзовой.

Что происходит. Я уже не мог стоять: чувствую, что внутри что-то легкое появляется. И я не мог лежать. В конце третьего дня почувствовал, что меня что-то ведет. Раньше снаружи чувствовал Учителя как Духа, а тут изнутри чувствую что-то. Я расслаблюсь, стою на солнце, чуть сознание не теряю. Так ходил по ставочку одному, чтобы сознание не потерять. Думал, что должен выдержать, с любовью ступать должен. Чуть-чуть ветерок подует, там все загорожено деревьями и ветра нету. Первое время был весь мокрый, а потом уже и пота нет. Сжигается все огнем этим. И я еле-еле хожу. У меня как пенка на языке, нету ни слюны, ничего. Меня ведет Дух: должен выдержать. И вот, когда уже совсем не могу, когда язык совсем не ворочается, и рот не открывается, я иду в воду и там без дыхания опускаюсь. Руки вверх, делаю выдох, как написано в тетрадах Учителя. И там нахожусь сколько-то, ну, минутку. Не много же. И там стараюсь вдаль смотреть, как у Учителя написано. Вдаль, как бы отвлекаться. А в это время перестраивается

поток. Внутри у нас, тут, видно, что-то находится. Как бы меняется, когда мы внутрь глазами смотрим. Природа и вода как бы меняют стрелку, я так думаю, что у нас должен поток измениться. Почему? В это время, видно, что-то происходит там физиологически. Кто знает, я еще это хорошо не изучил. Потому что в один момент что-то произошло.

Вот эти три дня я купался. А потом чувствую, что уже не выдерживаю. А собирался чуть ли не неделю так выдержать. Думал, что осилю. А тут смотрю: одна кожа да кости за три дня. Думаю: «Ничего себе!» Неделями терпел, так не исхудал, а тут за 3 дня. Что происходит. На третий день я иду, и меня вдруг повело-повело. И я пошел дальше озера, дальше пляжа. Встал на бугорок. Какой-то слух у меня открылся. Слышу: плеск воды, как будто фонтан. Откуда? Меня поворачивает. Смотрю. Там у нас мост есть, где машины проходят. Везде теплая вода, а я весь горю и искал прохлады. Весь горю: внешний огонь, внутренний огонь. Я такого никогда не испытывал. Раньше семидневки держал, и вы знаете, какой огонь на 7-й день. Но такого!

И что происходит. Смотрю и вижу: там бьет вот такой толщины ключ. Думал, что там прорвалась труба. Нет, там из земли вот такой бьет ключ, а над ним мост. И ключ не обогревается солнцем. Я пошел туда. И думаю: «Как она пахнет, прохладная живая вода!» Ключ, наверное, много лет бьет, и там образовалась такая каменная ванна. Из нее вода течет в реку. У нас есть река Чулым. Я туда. Я не знаю, как это сказать, для меня это было как манна небесная. Потому что мне нужно было питание для тела, вода холодная, потому что я весь горел. Я весь накаленный, краснющий, как обгорелый.

Опускаюсь в воду без дыхания. Я лег в эту ванну, там только по колено. Лег, глаза открыл и без дыхания смотрю в воду и Гимн пою. Пока три раза не спою Гимн, оттуда не выхожу. Мне уже трудно. Учитель говорит: «Надо потерпеть, уметь терпеть без дыхания». И надо так, чтоб с любовью. Я уже готов выскочить, но с любовью пою. Как в Природе боль терпел с любовью, так и здесь. Я себе так решил, чтобы до конца допеть Гимн. Так меня вело. Заканчиваю петь, у меня воздуха совсем нет,

чуть не задыхаюсь, но так с любовью, спокойно поднимаюсь. И вдруг появляется ветер, и меня обдувает. Там какая-то труба под мостом была вставлена и от нее сквозняк.

К ключу я ходил три раза. И в один раз вихрь такой поднялся. Я вдохнул воздух, и он очень хорошо в меня вошел.

Потом почувствовал что-то необычайное, как будто в меня что-то вошло. Необычно чистый воздух был. Ветер такой сильный пошел. Я отправился домой, такое же питание принял, 19 часов вечера. Смотрю: что-то со мной происходит. Думаю: «Что такое?» И вдруг... А бабушка мне говорит: «Там в холодильнике стоит простокваша, я блины тебе из нее испеку. Ты не будешь ее пить?»

— Нет, бабушка, я стараюсь сейчас без жидкости.

Проходит час, и меня ведет на кухню помимо моей воли. Я поворачиваюсь — меня привело и никуда больше не уводит. Смотрю: простокваша цела, бабушка блинов не пекла, и она стоит на холодильнике. Я не понимаю, что происходит: рука берет ложечку маленькую и зачерпывает простоквашу. Она такая густая, а под низом водичка. У меня мысль: «Эту белизну ты должен скушать, не воду, а вот эту белизну». У меня, наверное, уже слиплись все кишки и надо было что-то туда впустить, чтобы смазать. Съел я, наверное, грамм 300, стараясь, чтобы ни капельки водички не попало.

Что происходит после этого. У меня пошло такое очищение кишечника! Я непрерывно бегал в туалет, не успевал двери открывать. Думаю: «Это всего из 300 г?» Происходило это до самой ночи. Представляете? Приятно было, что-то щекотало, что-то выходило. Видно, все эти шлаки, сущности разные, запахи, все. Вы понимаете, нечистоты эти все, и когда я оттуда выходил, мне становилось так легко, блаженство какое-то входило. После этого я подходил к форточке и так дышал. Меня тянуло к воздуху и тянуло обливаться. Под душем обливался, три дня стоял на ногах.

Что произошло. Я каждый день делал такие упражнения, меня тянуло Духом это себе делать: как-то выправлять позвоночник, делать массаж. Меня тянуло пальцы запускать в глаза, там какие-то шишечки находил и их массажировал. Меня так

вел Дух, особенно в этот последний день, когда у меня чистка пошла. Думаю: «Что же я делаю?» Страх у меня нет. Потому что Валентина Леонтьевна многим так массаж глаз делала. Прямо в глаза пальцами делала. И тогда из человека шел разный гной, а он обретал зрение. Думаю: «А я вроде вижу?» И вдруг у меня пальцы уходят наполовину, нахожу какую-то шишечку и как узелок ее массирую. И везде эти шишечки нахожу, по всему телу. И когда я эти узелки развязывал, из меня что-то такое шло. И у меня: раз! раз! Освобождалось что-то, как будто я расстегивал молнию на курточке. И у меня появлялась свобода, как будто раздвигалось что-то, как будто здесь какая-то полоска мешала мне. Везде: и в глазах, на лбу, везде, где у меня тянуло. Чувствую что-то мешает. Я: «О, шишечка какая-то. Откуда она взялась?» Я ее раз! раз! С любовью промассажую.

Так у меня ушло, наверное, полночи на это. Потом меня потянуло на одно такое упражнение: я лежал на спине и голову так сильно нагнул. Она у меня чуть ли лбом пупка не достала, а спина выгнулась колесом. Меня так тянуло, что я чуть не задохнулся. Тянуло себе так делать. И у меня — как шелкнет внутри, там, в позвоночнике. После этого какую-то свободу обрел, мне легко стало. Так вот меня вело: выпрямить позвоночник, вытянуть или что с ним сделать. В меня же что-то вошло, и вел этот Дух: «Вот так делай!» А потом я последний раз сбегал в туалет, и у меня пошла густая кровь. Я так удивился, когда последние капельки кончились, у меня как будто что-то оборвалось под грудью. Так: гоп! Со мной что-то произошло, и меня приподняло прямо на унитаза.

И я как опьянел, на меня нашло такое неопишемое блаженство. Это было последнее, что из меня вышло — видно, эта кровь. Я как будто пьяный. Вдох делаю, а он не кончается. Вдох же у нас короткий, а тут он у меня в два раза длиннее. И когда я его делаю: меня раз! и приподнимает. Я думаю: «Что же такое?» Потом выдох делаю и как камень становлюсь. Обычно сознание у меня соединено с моим вдохом и выдохом. И самое главное — так стою и у меня тело колеблется с каждым вдохом и выдохом. Думаю: «Ничего себе!» У меня с каждым

дыханием колеблется тело. Чувствую, что внутри что-то ходит: вдох — туда, выдох — сюда. Как будто что-то открывается и закрывается. Не зря, наверное, Учитель назвал зонтом. Выдох делаю — туда идет, вдох — поднимает. А потом я пошел, и меня озарило: «Не то ли?» Открываю тетрадь наугад, а там про зонт: «Человек имеет под грудью зонт легких». Меня озарило: «Боже! Это же за счет этого человек будет жить без потребностей». И потом, самое главное, я чувствую, что что-то произошло с моими глазами и с телом. И самое главное, я ощутил луч какой-то. Как будто что-то пошло туда, теплое что-то такое, как будто бы тепло исходит изнутри у меня. Проходит от живота насквозь меня теплый луч и из головы уходит. Я же его не вижу, а ощущаю, что у меня здесь что-то такое необычайное.

А головка у меня тоненькая, кругленькая, как скорлупочка. Я же весь худенький, похудел, когда выходили все нечистоты. Было 50 кг, сейчас у меня 75 кг. А тогда такой легкий. Иду обливаться и посмотрел в зеркало: «Боже! Какая неопишуемая красота глаз». Вижу такие большие глаза. И не просто сам размер глаз, а круг глаз увеличен. И не сама красота глаз, а дух из них. Как будто я есть сам эти глаза. Не мог поверить: как будто я и Он весь в этих глазах выражен. Вижу: Учитель! Не могу поверить, что я такой заимел. Я всегда был настолько несимпатичный, считал так. А тут носик прямой, красивое лицо. И я понял, что такие красивые люди будут в будущем. Я благодарен Учителю, что у меня в этот момент не появилось гордости. Самое главное, что было дальше, как я понял, что такое зонт. Ведь Учитель говорит, что зонт будет поднимать человека вверх при вдохе.

На следующий день иду на Природу и так же хожу. Какие у меня движения? Какой бы шаг я ни сделал, меня приподнимает вверх. Движения у меня полуженственные. Не знаю, как это описать и объяснить. А когда бежал и делаю шаг, то пролетаю целых два метра. Представляете? То есть, хочу бежать как обычно, а у меня получается выброс ноги и руки вперед. И я вместо одного шага делаю два или три, пролетаю как бы. Как Учитель бегал. И я сразу понял, что частичка Учителя

пробуждена во мне. У нас же в каждом это есть. Это было кажется 10-го июля 1993 г., тогда я впервые допустил, что могу быть как бы продолжателем его, одним из первых начать это делать. У меня же получилось. Тогда-то я подумал, что может и вправду люди называют меня. «Должен прийти человек на Чувилкин Бугор и остаться без потребностей». Это я теперь понял, потому что, когда стал опускаться с зонтом под воду, стал там больше находиться. И когда в ванну опускался, то вся краснота от солнца входила как бы вовнутрь, где-то там накапливаясь. У меня было тело неопишуемой красоты в это время. Его не описать, оно было бронзовое, что-то такое излучало, как бы сияло. Я не знаю, как сказать.

Представляете, что происходило с моим сознанием? Иду на пляж чуть ли не через весь город и в этом блаженстве нахожусь, со всеми здороваюсь. И все: «Вот это тело!» Я худенький сам, а волосы были длинные и золотистые очень.

И вот в таком состоянии я находился три дня. Четыре раза в сутки купался, дышал: в 6 утра, в 12 и т. д. Это я отмечал периоды. А под воду шел каждые полчаса. Я как бы вбирал энергию. Потом у Елены Рерих я нашел такие слова, что зонт — это накопитель высшей благодати, т. е. Духа Святого. Я стал получать такие силы, что когда в очередной раз опустился в каменную ванну, и там, чтобы удержаться на дне, стал держаться за камень (без этого меня сносило потоком — был такой легкий). Когда вышел: «Боже! Какая благодать!» Я там электризировался, как Учитель говорит. Наполнялся такой энергией, ну, как опьяненный. Только она такая благодатная. И такие силы получил, от меня шел такой аромат, как от цветов — чистый, как чистая свежая вода пахнет вкусно. Такая свежесть и красота неопишуемая. Все очень-очень красивое, женственное, миниатюрное такое. Все органы, они девственные стали. Я был потрясен, как маленький ребенок стал.

Когда в очередной раз опустился, то заметил пиявочек, которые впились мне в руку. Я их стряхиваю, а они как червячки. А когда шел домой, мне такая мысль пришла, как подсказка Учителя: ты их должен полюбить, не должен стряхивать. И комаров должен любить. А как любить? Не убивать. Я вспомнил,

что Учитель запрещал убивать комаров. Но его уже не кусали, видно. Я вспоминаю, что Учитель пишет в тетрадях, что муха летела и испугалась, увидев на человеке правду. На мне, наверное, еще правды нет, мне приходит такая мысль в 12 часов ночи, что я должен пойти искупаться и этим пиявочкам руку положить. Думаю: «Боже, мне же страшно!» А меня вот ведет так, чтобы полюбил пиявочек. И вот ночью весь дрожу (там днем жара, а ночью холодно и туман). Когда зонт открылся, у меня появилось внутреннее тепло, огонь. Была жажда неопи-суемая. Каждый день, чтобы эту жажду как-то предотвратить, я покупал 5 л молока и 2-3 кг апельсинов. И все это за полчаса съедал. И все это выходило кипяченным. Не знал, куда мне де-ваться, потому что во мне был какой-то открытый огонь. Я не мог выносить и должен был или под воду опускаться или что. А жажда большая. Я еще больше худел, изменялся, а сила у меня росла.

Когда я пошел и опустил руки в воду все-таки с любовью пиявочкам, то понял, что они у меня вытягивали кровь или еще что-то лишнее. Потому что я видел, что красные сосу-динки уменьшаются, кровь как бы выходит. Остается другая кровь у нас. Вот почему Учитель говорит, что тело невидимым будет. Вот почему на третий день при вдохе меня стало при-поднимать, как воздух. Я не стал еще летать, т. е. чувствую, что еще тяжелый. 50 кг или сколько там еще оставалось лиш-него. Что-то еще дальше должно быть. У меня такая мысль, что я должен потерпеть неделю. А я думаю: «А как бабушка, дедушка? Это же надо уйти в лес, в поле».

Холод я чувствовал, но жара была внутри все равно. Учи-тель говорит, что Он чувствует холод еще сильнее нас. Но вот то, что внутри тебя, не ты, а тот, кто внутри тебя, как огонь, как солнце. Я вам не могу передать. Вот эти все три дня я по-купал молоко и фрукты, ставил в морозилку, чтобы хоть чуть-чуть охладить себя после солнца. И все равно через полчаса-час я лез в воду. И не мог, с меня чуть-чуть сойдет и через полчаса опять иду. И это несмотря на то, что я столько вы-пивал холодного. У меня мысль была, что только молочное и фрукты можно, когда открылся зонт. Или раз в неделю и уxo-

дить в Природу. А я, видите, не справился, не понимал, что у меня уже такое идет, я не думал, что уже такое получил, и, конечно, вот этот зонт. Потом я только понял, что зонт — это легкое тело разума, и человек в будущем пойдет по воде и бу-дет летать. Я это понимал уже, но не смог справиться. Сила — колоссальная, природная, естественная.

Я все время старался вообще не садиться, стоял на ногах, меня же держал зонт. Но все равно сильно уставал. Из меня все выходило, каждый день на 2-3 кг худел. А надо в Природе находиться. Стал сильно изменяться. Один раз лежу на пля-же и хотел почитать Евангелие от Луки, на пляже, там людей нет. Было это на 2-й день. А у меня плавочки. Я их поболь-ше закатал, чтобы загорать. У меня была маленькая бородка и усики. Я книгой прикрылся и лежу. Приезжают мужчины на иномарках, лет под 30. Чувствую на себе взгляды. Они лю-буются мною, как девушкой, со своими мыслями. А у меня же тело какое! Полумужское, полуженское, потому что оно неопи-суемо. Оно какое-то тоненькое, узенькое и такое красивое. Я не могу описать. Такое чистенькое.

Я встал, и во мне какая-то строгость. Они удивились так, что у меня бородка и усы. Рты вот так раскрыли. Я к ним подхожу, посмотрел и ушел. И думаю: «Учитель, родненький, если они на меня нападут сейчас, как эту силу применить?» Потому что я чувствую эту силу.

Когда очередной раз пошел под воду, за камень держался. Выбрал другой, без пиявок. И чуть его не сломал, такая бы-ла сила. Мне так хотелось потягиваться под водой, и когда выходил. Я настолько тянулся: то так, то так. У меня какой-то хруст появился. Мне хотелось сжимать все. В меня входила сила необычайная, напрягался, как сталь, такой крепкий-крепкий, как камень. Лежу под водой и мне захотелось потя-нуться. Сжал камень и чувствую, что он затрещал, такая была в руках сила. И я почувствовал в камне пульсацию жизни. На-столько были все чувства открыты, что в камне почувствовал: тюк, тюк. Как будто сердце бьется. И у меня такая мысль: «Вот это да! Камень живой!» Я осознал: это непросто. Мне кто-то подсказал, я почувствовал вот этими руками — тонкими, ху-

денькими. И самое главное — какая сила была! Представляете? И с каждым днем она все больше и больше.

И я стал думать: «А если Учитель явится, ну, духом войдет в меня?» У меня же душа открыта. Зонт — это, я так думал, как душа открыта, потому что Учитель пишет: «У меня открытые поры, они связаны с душой».

Когда я вхожу в дом, там тепло и я становлюсь мокрый-мокрый, из меня выходит вода. Она такая ароматная, я же пью только молоко. Через поры выходит, и они крупные-крупные. Крупнее, чем в бане. Я думаю: «Значит у меня душа открыта, а Дух еще не вошел». Потому что я чувствовал тоску. У меня было блаженство, а я все равно чувствовал тоску. Как Адам. И Бог ему послал Еву. Посмотрел на девушку и послал ей любовь. И почувствовал, что у меня из груди что-то вылетело, отделилось. Под грудью у меня ямочка стала в 2 раза больше, когда зонт открылся. По канальчику я чувствовал, что просачивается зеленый свет такой, прямо через кожу. И здесь как крестик такой был, из мышцы построен. А когда делал выдох, здесь постоянно что-то шевелилось. Этой ямочкой я чувствовал. Как бы сердце здесь было. Потом я прочитал обо всем. Видно, желудок, которому я не давал пищи, он как бы опустился. И все резервы открылись в организме. Потому что наш желудок закрывает все, сердце закрывает. И Учитель говорил, что у человека имеется на сегодняшний день развитый желудок. И я только выпью молоко, оно сразу же все выходит. Но силы получал большие: от молока, от воды, от всего. Учитель пишет: «Паршек должен кушать молоко и фрукты». Ему Природа говорила. И я думаю: «Другого я ничего не могу есть — только молочное и фрукты». И так три дня. На четвертый день я уже не выдержал, потому что такой огонь. И меня тянет. У меня выбор: либо остаться среди людей и закрыть все это надо. И мне знак: если ты съешь мясное или выпьешь кипяченую воду, у тебя закроется все, и Дух Святой уйдет и не будет накапливаться.

Потому что на третий день прихожу, усталый такой, был в Природе, и облокотился на пятиэтажный дом. И у меня мысль такая: «Через неделю, если ты так будешь заниматься, то дом

не выдержит». Видно, такая сила в будущем у всех будет, что сейчас таких людей быть не может. Ну, чтобы они сейчас делали? Как атланты или что-то в этом роде? Это какая-то сила в Природе ходит. Тело становится легким-легким, как будто какие-то узлы сняты. И гибкость неопишущая.

Но настолько я был не готов сознанием или чем: я ведь не знал, что это у меня было, до конца не понимал. Мне был тогда 21 год. Я бы все таки не смог сдержаться и в один момент или с ума сошел или... Такая сила входила в меня, что я не знал, что с ней делать. Думал, что нельзя ни до кого дотрагиваться: или я уничтожу, или что. Понимаете? У меня просто не было знаний. Я понял, кто такой Учитель, что за сила в нем. Только я не понимал, как мне уравновесить в себе силы эти, как ими пользоваться. Может быть брал слишком много, под водой там или как. Я должен был может быть иметь какое-то терпение, чтобы не так часто входить в воду или что. Потому что сила очень великая входила, и я не знал, что с ней делать. А мысль была такая, что не надо ничего бояться, а только уходить в Природу, только на неделю целую и не кушать и не пить. А у меня человеческое сыграло: а как я бабушку с дедушкой оставлю? Я же опекун их, они же не поймут. И куда я пойду? У меня еще страх был маленький. Этим я хочу сказать, что человек с такими мыслями, а ему вдруг такое далось.

И потом после этого я три года пытался... один день не дотерплю, но невозможно вытерпеть такую жажду. Три года уже пытался и у меня не получается. Тогда-то я делал и не знал, что получу, а теперь я знаю, у меня цель этого добиться. И вот из-за этого не получается. Вот уже 25 лет исполнилось, много раз старался, но не получается. Нашел другой выход: терпеть неделю правильно, простаивая на ногах, и там другое. Самое главное — излучать полнейшее спокойствие все эти три дня. Я старался каждый шаг ступать на землю с такой любовью! Это просто не описать. Почему это так трудно, что без этого и не откроется ничего. И, видно, из-за этого эти три года у меня и не получается. Тогда я смог так настроиться на это все. Мне еще помогло тогда то, что я брата проводил в армию и у меня очистилась душа: четыре часа без перерыва плакать.

Видно все это подействовало, и еще что-то с воздухом вошло, какая-то сила с просьбой. Видно, душа открылась, и я выпросил у Учителя как-то. Но я же не просил для себя. А Учитель что-то дал. И вот теперь сколько бы я ни пробовал... Что-то не получается до конца.

Как бы мне знак: не надо, рано еще. И в это я верю, что если бы сейчас у меня зонт открылся, я бы ушел на Бугор просто. И если у меня получится... Я сейчас еду в Сибирь, если мне Учитель разрешит, если это будет угодно Природе... Но мне очень тяжело. Сейчас солнца никакого. Там мне солнце сильно помогало, а сейчас... Ну, как-то, я не знаю. Такой любви, как тогда, что ли нет. Когда я шел мимо цветов, они ко мне тянулись, как бы хотели своим ароматом обменяться.

Я еще не рассказал, как у меня открылся слух, и я стал слышать, как вода разговаривает.

Еще мои руки поднялись, такие легкие, как будто кто-то несет. Я так удивился. Такое блаженство. Вот третью ночь я выхожу, и у меня руки такие легкие, и их как поднимает.

Человек должен быть чистейшим. У меня за три года не получается так очиститься, как тогда. Видно, тогда я был чище чем-то. А сейчас у меня большие испытания, так не могу. И смогу ли вообще, я не знаю. А сколько раз хотел уйти в Природу, потому что среди людей ты всегда загрязняешься, где-нибудь, что-нибудь да не так скажешь. А там я старался. У меня бабушка такая, с ней никто не может справиться. Она постоянно будет приходить, что-то ругать, и ты должен в такой любви находиться, чтобы не реагировать. И я смог ни разу не сорваться в эти три дня, ни на грамм. А сейчас я внешне спокоен, а там внутри будет какое-то недовольство. Поэтому у меня не получается.

Увеличились испытания, и я эту ступень не могу взять, то же самое сделать на другом уровне.

И вот мы должны все пробовать это. Это не так, чтобы было недоступно. Видите, это доступно всем. Просто я вам рассказал, как это делается. Опять же с любовью к людям, ко всему живущему на Земле. Даже ступил на камушек — и с любовью. Я старался, чтобы любовь излучалась, понял, что Земля пита-

ется. Я так ходил, чтобы она кушала. Она должна принимать ласково эту пищу — энергию от нас.

Так я понимаю и так смог объяснить, что такое зонт. Я понял, что так человек может жить без потребностей, т. е. по неделям выдерживать на фруктах и молочном. Это очень трудно, это уже другой этап. Если неделю держишь, то очень трудно, огонь внутри, жажда. Он же сжигает. Если бы я не пил 3 л молока и не ел 2 кг фруктов... Сметану не мог есть, только молоко. Я каждую шкурочку снимал, насколько нежное было у меня внутри, что ничего не мог, кроме чистого, живого. Если бы я так неделю протерпел, я бы на 30 кг похудел или больше. Потому что солнце сжигало остальные какие-то шлаки. Потому что тело тяжелое, там, видно, вода или еще что лишнее накоплено. А в воздух я приподнимался чуть-чуть. Не знал, как в воздухе двигаться. Вода держала, лежал на поверхности. И под воду мог уходить, там находиться. Опять же по мере очищения. Из меня выйдет что-то лишнее, литр жидкости, и я уже на несколько минут могу больше находиться под водой. Потому что резервы больше открывались.

Так можно описать зонт. Это самое великое, как я понимаю, мое достижение в Природе. Если каждый человек займет вот эти качества, он сможет жить без всего, не умирая. Это и есть бессмертие человека. Но этого достичь очень тяжело. Без любви невозможно. Я не стал бояться, что другой человек это занимает. Я по себе знаю.

Но сколько бы я на любовь не бил, у меня такого уже не получается. Надо опять вернуться к той любви — высшей.

Зонт никто, кроме бабушки и дедушки не видел, я там был один. Видели только частицу из частиц и то чуть ли не боготворят. Я говорю: «Родненькие, если бы вы увидели все, то подумали, что вообще Бог». Но вам хочу сказать, что каждый человек такой. Если мы будем идти. Учитель как-то нам поможет, раскроет все это. Учитель сказал: «Народ мой сейчас слаб, приду и освящу всех Святым Духом». Значит, нам все это как-то откроется. Он сказал: «Сильных заставлю жить, а слабые, они как хотят».

О СЫНЕ УЧИТЕЛЯ ПО ДУХУ

Александр Павлов, 1997 г.

Сын — это совсем другая личность, это сын человеческий. А Учитель — подобный сыну человеческому. Иоанн Креститель был подобен тому, кому он прокладывал путь, но он с ним неразрывно связан. Это есть как двое одно. «Когда займет свое место Он и Он, — говорит Учитель, — прогремит гром, и засияет молния и укажет хозяина Природы». В человеческом теле сын будет как человек. Но когда мы очистимся, то будем видеть еще и кто над ним, этого Духа Святого, который его окружает, и тот, кто в нем.

Учитель говорит: «На Чувилкином Бугре по истории всей должен родиться мессия. Это по-еврейски сказано, а по-русски — бог. И когда Он придет, Он нас спросит: что же вы делали и что вы сделали». И каждый встанет и отчитается перед ним, что мы делали и что сделали. Это будет. Сын придет туда без потребностей. Я нашел, что перед тем, как прийти на Чувилкин Бугор, он будет еще делать дела и останется таким, как Учитель. Будет идти в Природе и придет с Востока. Будет идти месяц, может неделю. Он же будет идти быстро. Когда у меня открылся зонт в 1993 году, я как будто летал. Зонт может открыться у любого из нас. Пожалуйста, на сутки уйдите в Природу и работайте над собой, у вас может открыться зонт. Мы же боимся и еще что-то. У всех такая возможность есть. Это не какая-то система. Почему я так говорю: попробуйте? А кто? Потому что везде, в Доме здоровья: «А, это только Учитель так мог». Учитель говорил, что все могут. Да, Учитель — это личность неопишная, но по телу Он такой же как и мы, и Он также не знал, кто Он такой. Только в 1974 году узнал. Потому что Он думал, что Он полностью тот, что Он не отделен от того человека, который придет. Как Иоанн Креститель неотделим от Иисуса Христа, это едино было. Просто Иоанн Креститель был в Духе и полностью помогал Христу. И Учитель говорит: «А Я помогу ему, этому человеку стать таким, как Я, но он будет свои дела творить».

И сын будет неопишмой красоты, которую мы тоже обречем, естественную, здоровую красоту, земной красоты у него

не будет: в одежде и т. п. А Учитель показал, что сила в том, кто голый и босой.

Сказано о сыне божьем и о сыне человеческом в Библии, в пророчествах написано: «Се грядет в силе и истине». А Учитель сказал, что «сила в том, кто голый и босой». Учитель еще говорит, что тело у человека будет легким, он будет поднимать себя в воздух. Каждый из нас потом откроет у себя такие возможности, т. е. каждый станет человеком, подобным ему. Учитель говорит: «Становись рядом!»

Так вот, этот человек будет идти с Востока, я так понимаю, где-то из Сибири. Я так думаю потому, что сам шел оттуда, с восточной стороны. Можно сказать, что я там с ним даже встретился. Почему так говорю. Как Иисус встретился с Ильёй на горе, так и у меня произошло немножечко такое. Когда я в 1993 году пришел, меня многие чуть не Учителем называли. Потому что его энергия присутствовала во мне, Он, видно, на меня действовал. И помогал мне держать семидневки, когда я начал. Тогда многие держали семидневки. Сан Саныч и другие. Но молодого человека, который бы пришел сам, сознательно, таких не было тогда. И вот получилось так, что меня поддержали некоторые люди, москвичи и костромичи.

А где Дух Святой делся? В Природе, вся Природа в Духе она. То есть он слился с Природой. Природа — это она. И он стал как она. Понимаете. Вот этот женский принцип Природы будет помогать, энергия Духа Святого будет проходить через этого посредника. Сын человеческий является вечным посредником на Земле. Это единственный представитель Бога на Земле. Духовно — это Бог Земли, а так он есть сын человеческий.

Почему сказано об Учителе, что Он подобен сыну человеческому. Потому что сын человеческий, он — человек. А тот подобен, Дух подобен сыну человеческому, потому что он прошел на Земле путь человека. Порфирий Корнеевич подобен сыну человеческому, который сейчас придет. Мы все ждем сына человеческого. Его будет вести Учитель, как стихия защищать во всем. Это и есть олицетворение Учителя, Духа Святого. Он его олицетворял и теперь ждет подобного человека, который будет

полностью такой, как Он, останется без потребностей и будет идею Христа продолжать на Земле. О нем написано, что он, сын человеческий, будет жить среди людей до тех пор, пока не снимется повязка. То есть, есть эфир и вещественная повязка. Что это означает? Чтобы эфир чувствовать, мы должны пройти три испытания: желудком, сердцем и разумом. Это, когда Учитель к нам придет. Вот сын и должен таким быть. Адам душевный был, а теперь будет духовный. Энергия посещает человека, и надо ее не потерять. Пробуждение мы получим только через снег. «Снег — это мой Дух. Я приду, когда этого никто не ожидает», — говорил Учитель.

Сын человеческий или сын Учителя по духу, как мы его называем, он сначала не будет знать себя до времени, как и Христос. До тех пор, пока не встретится с подобным человеком. Но это будет сначала женщина, соратница и помощница его Идеи. Та женщина, которая соблюдает божественные законы. Учитель пишет, что Он будет как первый Адам на Земле. А если Адам, то и Ева будет, только это будет новая Ева. Учитель еще писал, что будут господин и госпожа. И она будет помогать ему.

И вот когда Христос встретился с Иоанном Крестителем, и тот передал ему Дух этот, вдохновил его, тогда он пошел без потребностей. А потом потреблял что-то, но всегда растительную пищу. И он был независимым ни от одежды, ни от пищи. Кушал растительную пищу и только тогда, когда было нужно. И человеческий сын, он тоже будет жить без потребностей. Он придет и встретится с человеком, который несет Дух Учителя в себе. Учителя в теле нет, и кто-то несет его Дух, как бы олицетворяет его Идею.

И сын встретится с женщиной. Эта встреча в книге пророка Абдур-шина «В свете истины» описывается так: «В точно назначенный час состоится встреча его, посланца, пришельца с той соратницей, которая является частью его самого. Она — сама пришельца на Земле, по собственному своему побуждению последует за ним, чтобы стать его содейтельницей, т. е. помогать в его задачах и благодарственно возвыситься в нем». Она должна была пройти сквозь земное бытие, чтобы познать его. И они здесь встретятся. Это как бы история повторяется,

как бы Адам и Ева встретятся, только они будут уже новые. Можно так сказать, что история повторяется. То был Адам душевный, а теперь — духовный. Он возвращается в рай. Поэтому Учитель и говорит, что Я буду как первый Адам.

Учитель говорил, что люди будут тысячами стоять кольцами вокруг Бугра, встречая сына. А Валентина Леонтьевна говорит: «Как же они тут поместятся?» Учитель отвечает: «Поместятся». В 1992 году там было 10 тысяч человек. Для чего все это будет? Это будет дан последний зов на Земле вообще. Когда сын будет идти с Востока, о нем все узнают.

О нем еще написано: «Вот необыкновенный юноша, движущийся с Востока, сидящий верхом на льве, и в руках у него будет огненный меч. И петух пел перед ним. И когда он будет проходить, все народы будут склоняться перед ним. И он придет на гору Сиона и вложит свою руку в руку Пантифика. И тогда прогремит гром и засияет молния». Это пророчество для меня оно совпадает с тем, что говорил Учитель. И их будет двое: он и она. И Бог громогласным голосом будет говорить: «Вот мое слово и моя рука». То есть Ева и Адам новые. Слово — это женское начало, а рука — это сын человеческий. «И буду держать за руку тебя, пока не совершишь суда». Сначала он не будет совершать суда, а будет нести любовь. Т. е. до Чувилкина Бугра он будет повторять Христа. Но все злоумышления против него потерпят неудачу. И последователи его могут не понять, не принять. Но у него будут определенные дела.

Мы услышим, что он идет: «Ну и что?», — скажут люди. Я слышал, в Киеве паренек 4 года бегаёт босым, 108 часов терпит, чуть-чуть людей лечит. А у сына будут особые дела. Как Учитель пишет: «Его Идея Христа будет в людях». Он будет исправлять поток людей. Люди идут по одной дороге, а Учитель говорит, что у нас другая дорога — к бессмертию, человек не должен умирать. Все наше общество устремлено в пропасть. А он как бы стрелочник будет, который укажет правильный путь. Так Иисус Христос делал, так Учитель подготавливал народ. И Он ушел, чтобы среди нас проявился этот человек, на котором эта метка стоит. Хотя Он сказал: «Бог — то бог, да сам не будь плох». Каждый чтобы работал над собою.

«И созовут они все народы», — так сказано там дальше. В

1993 году, когда я пришел, собралось много народа. Меня фотографируют, а я говорю: «Вы чего?» От меня уже ушла энергия, и я — как все. Энергия посещает человека, он ее заслуживает и может не терять. Учитель и пишет в тетрадях: «Я нес Духа Святого, как когда-то нес Моисей. И не теряю этого Духа Святого». А я потерял, я чуть-чуть его подержал, а Он полностью нес. Но я помню, как эту энергию получить, как и каждый из нас ее может получить. Все есть.

А Учитель говорит: «Победа моя! Я резко говорю не про что-нибудь, а про Природу. Вдох-выдох. Снежное пробуждение». Снежное! Пробуждение мы получим только через снег. И когда сын придет, когда соберутся все народы, когда он будет проходить этот путь до Чувилкина Бугра, то там состоится величайшее очищение людей. Он даст шестидневку всем. И когда он даст, Дух Учителя будет действовать через снег на земле. То есть, снег упадет в то время, когда его никто не ожидает. Когда я терпел неделю, то понял, что так и будет: Дух Учителя будет действовать через снег. Упадет снег в то время, когда все люди его не ждут. Многие знают место, где он должен проявиться в силе своей полностью, — Чувилкин Бугор. А будет это в апреле или мае. Никто не знает, кроме Отца.

Вот мы терпели семидневку, и такой град выпал. Меня последователи обидели. Мне известны слова Учителя: «Обидели — не обидься». Некоторые стали завидовать, говорят: «Нам кушать хочется, а ты говоришь надо учиться по-другому. Когда ты терпишь, нам плохо». Ученики Учителя больными стали — за кусок тряпки, кусок хлеба держатся. Я уже взмолился: «Ну, Учитель, неужели уже нельзя семидневку держать, практику развивать?» И пошел град. Больно от своих. Почему свои-то гонят? Я тогда еще обессиленный немного был: стоял, не садился целую неделю, только ночами лежал. Где же мне быть? В городе я уже не могу находиться. Почему меня всегда будут гнать? Кто же меня поддержит? Не могу в домах находиться. Все есть хотят. Я тоже хочу, но кто-то же должен делать. Меня вот так ведет.

Полежите каждый раз на снегу после обливания. Вст облились утром и вечером и полежите. Скажите: «Учитель, ты

впереди, я за тобой!» И ложитесь сначала на живот, потом на бок, на спину. И делайте это с любовью, не торопясь. Полежите столько, сколько сможете. Старайтесь, чтобы ваши мысли полностью слились с телом. Я там чуть не уснул. Надо не уснуть. У меня все мысли ушли. Смотрю: на третий день снег стал таять подо мной. Потом такую энергию стал ощущать! В этом снегу все мысли Учителя, они оттуда к нам идут. Это его Дух. В снегу все есть: и воздух, и вода, и земля. Человек может в снегу получить одухотворение полностью, за одну неделю может одухотвориться. У него уравнивается питание: 108 часов терпеть, 2 яблочка в день съедать, или стакан молока и 2 кусочка хлеба, немного любой пищи. За это время вы полностью очиститесь. Важно правильно 108 часов держать, не переедая. И в движении находиться. Иногда будет затмение, потому что разум свое требует, желудок — свое, сердце — свое. У вас будет любовь просыпаться, потому что будет все очищаться в это время. И мысли всякие будут идти, и видения. Но вы должны выдержать. Попробуйте так подержать одну неделю и вы увидите, что с вами будет, вы будете светлые. О вас люди будут думать, что вы ангелы, а вы люди, только не как вчера.

Ну почему такие простые вещи никто не знает? Я не понимаю. Надо, чтобы я сейчас показал? Пожалуйста, я сделаю. Но надо, чтобы и другие меня поддержали. Сколько раз начинал... Потом думаю: «Ну, опять не так! Последователи скажут, что рано». Когда же он появится, который поведет, чтобы за ним пойти? Но такого никогда не будет. Среди нас он проявится, кто-то из нас, из всех тысяч последователей появиться должен этот человек. Дух Учителя его будет вести. Мы его почувствуем сразу же, по делам его, он будет дела свои творить. А мы будем у него учиться и будем подобными становиться. Это будет очень просто. Дух Святой всех уравнивает, сын победит администрацию, но иерархия будет божественная.

Когда у меня было открытие зонта, я вдыхаю, а меня приподнимает над землей. Я думаю: «Ничего себе!» Я то думал, что сложно там. Понимаете? Потому что за те три дня у меня «Детка» полностью выполнялась. Не ожидал, что она выполнится. Я с такую любовью все делал, с таким усердием, что

смог ее по-настоящему выполнить. Не реагировал ни на какие раздражения, а все делал с великой любовью и великим терпением. В эту неделю идут большие испытания, и ты их отработываешь своим терпением. Надо выслушать, надо понять человека, чтобы ни капельки не было раздражения. Победить в себе эту болезнь. И помочь другим. У меня было так с бабушкой. И зонт открылся благодаря тому, что я терпел, ходил, не сидел, находился на жаре, ангел света принимал. Весь мокрый становился. Из меня все испарялось. Потом в воду погружался. Это не просто так, а все старался по Учителю делать. У меня потом Дух пробудился, зонт открылся. Я лежал на воде, сидел и почти не тонул. Вдох делаю и лежу на воде. Думаю: «А если неделю протерплю, у меня же еще будет очищение и стану еще легче, по воде смогу пойти». Я у Учителя прочитал: «Паршек по воде пойдет». Думаю: «Ой, это я, наверное, далеко зашел. Наши последователи скажут, что еще рано». А если оно уже есть, чего же рано? Вот пять лет страдал: рано, рано. А оно бьет ключом. Не то, что ты спешешь там. Были спешки, все было и есть еще оно. Больно от безысходности, что все любят послушать, и никто не хочет делать. От этого я умирал постоянно. Эти душевные раны, они были настолько... Вот Саша приходил ко мне, спрашивал, а как ходить подольше. Говорю ему: «Что ты только об этом спрашиваешь?» Ты подожди, проработай вот еще это. Если вы говорите: «Детка», «Детка». Если вы говорите «Детка» — это мало, там еще четыре правила есть, то этим самым мы уже осуждаем вообще всех. Те говорят: только «Детка», тетрадей не надо, ты говоришь, что «Детка» — это ладно, а надо из холода брать тепло и т. д. Я ему говорю: «Что? Ты только через ноги будешь брать тепло?» Вот так побеседуешь, и человек не удовлетворяется. Он говорит: «Я думал, что ты мне систему откроешь, а ты...». Я говорю: «Нет, ты просто с любовью делай». У тебя тепло пробудится, но ты все должен выполнять, также с режимом пищи, всю «Детку» выполнять: здороваться с любовью, с любовью выходить на снег... с любовью смотреть на человека, с любовью эту же пищу съесть. Конечно, это трудно выполнять. Хочется есть, а ты отвлекись. Почаще лежите на снегу,

вы снежное пробуждение получите. И у вас, возможно, откроется зонт. У каждого свое. Больше двигайтесь, делайте. Мы должны готовить себя к приходу сына. А если не будем готовы, то зачем ему приходить для нас? Он для других придет. «Сильных заставит жить, а те как хотят», — говорит Учитель.

Учитель говорит: «Взгляните на солнышко, увидите свою правду, свое выздоровление. Быть таким как Я: Победитель Природы, Учитель народа, Бог Земли». Суть солнца надо понять. Что означает взглянуть на солнце? Солнце, оно любит всех. Солнце любит и грешных, и праведных, и всяких, и злых, и добрых людей. Оно светит всем одинаково, все получают его лучи. Вот Учитель и имеет ввиду: будьте такими, как солнце. Когда мы, как солнышко посмотрим друг на друга, когда человек зло тебе делает, а ты все равно смотришь как солнышко на него. Вспомни эти слова, и из тебя сами пойдут эти лучи. Сознание надо иметь. Не то, что мы подделываемся искусственно: не получится. А ты постарайся это тепло передать. Потому что мы должны быть такими, как Учитель. Он дал нам ориентир: быть таким, как солнышко. Он говорит: «У меня солнышко — пламенное ядрышко».

Это же просто очень. Смотрите на пищу с любовью. Это яблочко, еще что-то как бы открывается. А когда вы с любовью посмотрите на это яблочко, оно как бы открывается. Когда солнце заходит, кувшинки закрываются, а когда восходит — открываются. Также и пища, она закрыта для нас. А когда молча постояли, посмотрели с любовью на нее...

Вот, может, Учитель уже пришел. Нам такими нужно быть уже сегодня и так жить, чтобы встретить его. Как Иисус говорит: «Когда мы станем все такими, подготовимся, и среди нас мы увидим человека живого». Понимаете? Мы будем поддерживать друг друга: мы — его, он — нас. Кто-то чуть-чуть что-то больше может, его поддержали. А у нас: «Тот в гордыню ушел. Этот Христом назвался. Там — сыном...». Да мы все должны подобными стать. Не надо никого ждать, ниоткуда он не возьмется, как только среди нас. Мы сами будем делать, и у нас будет получаться. Конечно, он станет сыном только по делам, у него будут свои дела. Но и мы сами должны подготовиться

к его приходу. Таких людей, как я, может много, они вдохновляют людей и готовят к приходу сына. А он может завтра прийти или сегодня. А готовы ли мы? Не то что фанатично: все оставить и куда-то уйти. Нет. Я иногда думаю: «Боже, если Учитель появится, я сразу почувствую». Это будет зов. А когда он появится, это означает: «Люди, идите ко мне!». Но не будет он никого тащить: кто встанет, тот встанет. Учитель говорит: «Я сильных заставлю жить». Этот человек, он сильных заставит жить. И Учитель сказал, что к 2000-му году он придет и с ним те люди, которые будут служить ему, помогать. «Один — для всех, все — для одного».

И тогда он будет делать то, что ему надлежит. То есть, до Чувилкиного Бугра он будет идти путем Христа: исцелять там кого-то, помогать, по морю пойдет. Мы не знаем, как это будет конкретно. Не для того он будет делать, чтобы показать какие-то там чудеса, а будет знать, для чего это нужно. Учитель знает, для чего. Он это пишет.

Я же тоже не знал, что у меня откроется зонт, и меня вода будет держать. А потом ушло: я стал питаться как и все, и от меня ушло. Я просто испугался, что мне надо уходить в Природу. Значит, я еще не до конца созрел. И еще потому, что я думал: «Это же не я должен быть, а мы его ждем». А он может быть в каждом из нас, кто пробудился. Вставай из этой спячки, и тогда остальные будут делать. Это же как по цепной реакции пойдет. Как болезнь можно передать, так и здоровье. Если один среди нас такой появится... Не тот, что будет говорить: «Я лучше вас всех, идите за мной!». Такого не может быть. Ни за кем никто не пойдет. У меня тоже такое было: «Саша, мы пойдем за тобой, веди нас». «А куда я вас поведу? Я ничего не знаю. Я делаю и делаю». Мы сейчас только вот так можем друг друга поддерживать.

А когда, он появится, тогда другое... Он вообще в дом не будет заходить. Я вам говорю — это реально. Если я-то могу, а он почему не сможет? Если я уже могу не заходить в любой мороз. Мне трудно, очень плохо, даже обморозиться могу, но постепенно опять хочу подготовиться. За неделю могу полностью подготовиться к его приходу. А если он сейчас придет, то

какой сесть, такой и иди. Прямо сейчас. Вот если бы узнал, что он в Природу зовет, все бы бросил и пошел. Я бы с ним все равно встретился. Хоть он там в Красноярске, а я в Москве. Сразу бы ушел, если бы знал, что такой человек уже идет. Или по крайней мере так воспитывал себя, чтобы пока он дойдет сюда, быть самому готовым и людей подготовить, чтобы помочь ему. Как помочь? Поддержать, таким же, как он быть. А дальше через него мы узнаем, что делать.

Ты же будешь чувствовать, как поступать, тебе Учитель подскажет. Только будешь обмораживаться, ложись на снег. Учитель тебе через снег подскажет. Я в 15-градусный мороз был в Природе, в то время. Сейчас как есть, так и пойду. Конечно, если в 40-градусный мороз Учитель придет, а нам надо будет уйти в Природу... Нас сам Дух будет тянуть к нему, потому что мы не сможем без него жить вообще. По крайней мере, я не смогу. Я сразу захочу к нему пойти. Если я сейчас не готов, у меня будут обморожения, но знаю, что это потом отпадет, «мертвое». Неделю буду страдать от обморожений, но выживу. У меня останутся кожа да кости, лишнее уйдет. Это будет обязательно.

Это будет увеличение, повышение энергии. Он будет направлять эту божественную энергию. Когда Учитель придет, мы будем все ему помогать как помощники. Каждый встанет на свое место. Учитель даст нам шестидневку. Когда тысячи людей соберутся — это будет великая сила. Двое, трое — уже поддержка. А если будет десять и будем друг другу поддержку посылать. Но не искушать. Одно — только не искушать. Строго будем относиться. Это не значит, что жестоко. Нет. В то время, когда придет Учитель, «Он будет строгий, физически неумолимый человек». Почему? Потому что будет большой мороз, и Он будет всем говорить: «Шесть дней полностью голым и босым быть на морозе». Будут обмораживаться. Но что будет через шесть дней, вы узнаете. Потому что мы как будто тысячи лет пройдем за эти 6 дней. А на седьмой день будет как бракосочетание агнеца и невесты, т. е. мы будем как церковь его. И Учитель говорит: «И выведу на середину этого ребенка, который будет величайшей из всех». Хотя в этом мире может быть меньше от других.

Оглавление

А. Павлов. Погружение в Природу	4
А. Павлов. Зонт	28
А. Павлов. О сыне Учителя по духу	42